
Юлия Шеверина
МАГИЧЕСКОЕ
РАСТЕНИЕВОДСТВО
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ
ТЕОРИЯ

Юлия Шеверина

Магическое растениеводство средней полосы. Теория

https://litres.ru/74732884

Аннотация

☘#Она — ведьма под прикрытием. Он — её прикрытие. Она — секретный агент в теле кошки, он — человек, которому СРОЧНО нужно сдать курсач по маг.растениеводству. ⚡#Что их объединяет? Когтеточка и переноска, загадочное убийство и древний артефакт, ярость и милота, ее изумрудные глаза и его бесконечное спокойствие. Это любовь, скажете вы. Но нет, это работа. Работа в Министерстве Магии! А что до любви… Посмотрим, чем дело закончится, мрррр!

В тексте: маги, вампиры и ведьмы, магический Калининград и волшебная Россия

Если нравится история, читайте другие книги о Феликсе в цикле «Министерство Магии».

Содержание

Глава 1. Никогда не смотрите в глаза злому духу 4
Глава 2. Порядок отчисления из магуниверситета 19
Глава 3. Изумительная маскировка 31
Глава 4. Чёрная карточка 50
Глава 5. Мужская посадка на метле 68
Глава 6. Кошколюбие не порок 90
Глава 7. Практикум по воровству 107
Глава 8. Дикая кобылка для фальшивого агента 127
Глава 9. Ведьма и её метла 150
Конец ознакомительного фрагмента. 151

Глава 1. Никогда не смотрите в глаза злому духу

2 января

Рабочий день Феликса начался обычно.

Он прошел по коридорам через все Министерство Магии, совершенно безлюдное утром второго января, проехался в пустом лифте, поднялся по паре гулких лестниц. Разномастные министерские двери, узнавая стажера, открывались перед ним сами собой.

Последней открылась дверь с табличкой «Редакция» и приколотым на канцелярский гвоздик листком с цитатой из «Методички по технике безопасности для магически одаренных»:

✦✦✦

«Никогда не смотрите в глаза вампиру или чёрной ведьме. Их взгляд приносит несчастье.

Более прочих опасайтесь злых духов. Они запечатлеют жертву за один удар сердца и далее ждут момента, когда та будет слаба и беспомощна. Тогда дух окажется рядом и непременно выпьет вашу силу и вашу душу.

Но даже тогда он не успокоится. Дух станет ещё злее, ведь ни одна выпитая душа не вернет ему смертного тела!»

✦✦✦

Феликс скользнул взглядом по ценному, но, для магически неодаренного, совершенное бесполезному назиданию, шагнул внутрь кабинета и встретился взглядом со злым духом.

Дух выглядел неказистым человечком, одетым одновременно нелепо и солидно: кожаная жилеточка тонкой выделки поверх холщовой рубашечки с вышитым воротом. Но ногах — суконные штанишки, на голове — вязаная шапочка с пышным помпоном. Росточком человечек был с небольшую собаку. Из-под шапочки торчали курчавые серебристые волосы, плавно переходящие в бакенбарды, и ниже — в длинную, до колен, бороду. На маленьких ручках у духа были перчатки из тонкой кожи, на ножках — остроносые ботиночки с загнутыми носами. Злой дух был зол.

Даже нет! Судя по тревожно мигающим красным огонькам в мутно-зеленых глазах, дух был в ярости.

Увидев Феликса, он нетерпеливо подпрыгнул на столе, свалив на пол стопку отпечатанных на принтере листов, завращал безумными глазами и соскалил злобную гримасу.

— Доброе утро, Селиверст, — поздоровался Феликс, — и я рад тебя видеть.

Феликс подобрал бумаги, оказавшиеся черновиком статьи с рекламой весеннего шабаша в Подмосковье, согнал духа со стола и принялся за работу. Перед новогодними праздниками он не успел подготовить новый номер и единственный из всего Министерства вышел работать в выходные.

Селиверст полежал на полу, повздыхал, задумчиво почесывая серебристую бороду, подождал, пока стажер приберется на рабочем месте и залез обратно — развалился на краю стола, попинывая ножкой партию черновиков к еще не надписанным статьям.

Феликс сделал вид, что не замечает пакостничества и продолжил раскладывать бумаги по стопочкам.

В кабинете на двух человек он был совершенно один. Его начальница — Зинаида Николаевна Клейнмихель, ведьма и заместитель Министра Магии, сегодня не пришла. А значит, Селиверста, скучавшего в пустом Министерстве две праздничных ночи, лучше не провоцировать.

Говорят, ведьмы — коварные, а вампиры — кровожадные. Это все ерунда. Попробуйте успокоить расшалившегося домового! Вот кто выпьет всю вашу кровушку и скушает мозги ложечкой из кукольного сервиза.

Феликс был уверен: расшалившегося Селиверста он не остановит. Он — обычный человек и работает в маг. редакции «Нового Аркаима» только благодаря собственному уму и трудолюбию.

О последнем ему редко говорили. О том, что он — человек без единой капельки магии, напоминали постоянно.

Против ярости древнего духа у Феликса была только надежда, что домовой помнит о запрете Зинаиды Николаевны. Та настрого запретила Селиверсту издеваться над лишенным магии стажером.

Селиверст, похоже, не забыл. Не стал кидать из шкафов папки с секретными документами (как на прошлой неделе), не стал бегать по стенам и потолку (как в их первую с Феликсом встречу) и даже не стал подвывать раненым волком (хотя баловался этим пару раз на дню).

Попинал еще немного черновики, прыгнул на пышно украшенную подвесками люстру. Задумчиво покачался на ней, подозрительно похрустывая. Феликс очень надеялся, что собственными воображаемыми косточками, а не антикварным хрусталём. После чего ловко зацепился ногами за изогнутые трубки, свесился головой вниз, и, придерживая маленькой ладошкой сказочную кудрявую бороду, затянул известную Феликсу песню:

— О-о-о-о-о-о-обижают сиротинушку! О-о-о-о-о-о-обижают несчастненького! Не дают житья-бытья! Не дают житья-бытья! Как мне быть? Где мне жи-и-и-ить?

Вопросы были риторическими.

Древний дух, самоназвавшийся Селиверстом Игнатичем, жил в глухих лесных селениях по обеим берегам реки, позже названной Москвой, за сотни и сотни лет до появления князя Юрия Долгорукого, которому вдруг понадобился сторожевой острог по северному краю русских земель.

Самоназвавшимся Селиверст был потому как настоящего своего имени он никому и никогда не называл, считая, будто само знание этого тайного изначального имени позволит раскрыть некую подлинную сущность домового и навеки по-

работить, чего духу совершенно не хотелось.

Князя же Селиверст любил помянуть дурным словом — тихонько, чтобы Зинаида Николаевна, бывшая Долгорукому дальней родственницей, не услышала и, упаси старые боги, не оскорбилась.

— С него и началась ента ваша цивилизация в моей земле-то, — ворчал домовой, — ни житья, ни бытья с нее нету!

Домовой, как выяснил Феликс, отчасти был прав. Древних духов правда стало меньше — они откочевали на восток, в горы и глухие сибирские леса. С другой стороны, Селиверст сам выбрал остаться здесь, в Московии.

Собирал подношения с крестьян, шкодничал и изводил недостаточно щедрых бесконечными ночными разговорами и фирменным воем волчьего подранка.

В двадцатом веке деревянные домики начали сдавать панельным многоэтажкам.

Неразумных крестьян, на эмоциях и искренней вере которых проживал Селиверст, переселили в крохотные квартирки и начали принудительно образовывать.

Селиверст кочевал от дома к дому, «побираясь», как он выражался, «на последних деревенских». В середине двадцатого века, во время большой послевоенной стройки, пожравшей последнюю «его» деревню, дух, голодный и злой, заявился в Министерство Магии — жаловаться колдунам на произвол и «ущемление территориальных прав».

Жаловаться ему понравилось, даже очень. Полсотни лет

домовой бродил по кабинетам, изводя Министерских магов рассказами о вреде мирового прогресса, требованиями переселить его в приличную деревню на свежий воздух и отменно питаясь их эмоциями, пока, совсем недавно, не нарвался на Зинаиду Николаевну.

Ведьма, общества которой он разумно избегал все предыдущие годы, быстро нашла три десятка предложений о поселении в подмосковных многоэтажках и какой-то ведьмовской хитростью взяла с Селиверста обещание выбрать одно из предложенных мест, а до тех пор не покидать этого кабинета.

Дух взвыл в прямом смысле слова, когда понял, что вместо всего Министерства у него теперь одна неприступная ведьма, человеческий стажер с на удивление крепкими нервишками, да их редкие посетители (которые в скором времени и вовсе перестали заглядывать в кабинет, предпочитая решать вопросы по телефону или подкарауливая сотрудников редакции в длинных министерских коридорах).

— Свежий воздух, река, лес! Далеко от шумных дорог и пыли, — рекламировала Зинаида новые районы, — а люди какие! Заглядение!

Но Селиверст намертво подсел на деликатесный коктейль эмоций и магии, потому тянул время как мог, неизменно находя причину остаться среди колдунов и ведьм: то ему видовой состав леса в новом районе не нравился («дубы люблю, а там одни тополя, фу, пух от них да срамота!»), то близость

аэропорта («как жить-то! шумит, страсть!»), то отсутствие коров на окрестных полях («а где они молочка возьмут мне свежего? Я пакетное пить не буду!»).

По поводу пакетированного молока Феликс с Селиверстом был полностью согласен, но проживание домового в редакции не одобрял.

Каждое утро древний дух устраивал концерт, подпитываясь стажерским раздражением. А если Зинаида уезжала во внезапные и очень секретные командировки по важным маг. делам, он и вовсе скакал по стенам и качался на шикарной люстре, да так активно, что однажды чуть не обрушил её вниз.

Потому-то утром второго января Феликс ожидал от оголодавшего духа большей прыти и готовился к худшему, но тот еще немного покачался на люстре, а после и вовсе спустился вниз, чинно уселся в уголок и умолк.

Выглядело это крайне подозрительно. Так скромно Селиверст вел себя только в обществе Зинаиды, но ведьмы в кабинете точно не было.

Феликс глянул на стол напротив. Если у стажера дух навел безобразный бардак, то у Зинаиды Николаевны документы лежали двумя ровными стопочками. Ровно так, как начальница оставила их в последний рабочий день.

В одной стопочке была его, Феликса, курсовая по магическому растениеводству, почти готовая к отправке в магический университет. До защиты было еще полгода, и сама она

была, со слов ведьмы, была «откровенной формальностью», необходимой для полноценного зачисления в Министерство.

Предмет был самый простой из возможных, тема — «элементарная» (с её же слов). И самое главное — это был практически единственный предмет, который можно было сдать, не обладая внушительной магической силой.

Стопочка побольше и попышнее — портретики и подколотые к ним резюме многочисленных родственников Петра Петровича, Министра Магии. Резюме на должность редактора. На его, Феликса, будущую должность!!!

Он усмехнулся. Когда пришло первое резюме, он чуть не выронил из рук чашечку с только что сваренным Зинаидой кофе.

Попал на стажировку в Министерскую редакцию, а ему уже ищут замену??

— Не обращай внимания, — ободряюще улыбнулась ведьма, — у нас всегда так.

Маги живут долго. И детей у них бывает — сколько захочется. Браки стараются заключать между кланами. Такая традиция, чтобы не терять силу. Стоит появиться сильному мальчику или девочке, как они чуть ли не с пеленок помолвлены и... устроены на работу! Где могут пребывать сотни лет или пока не надоест.

Сильных мальчиков и девочек много. Средненьких — еще больше. Слабеньких — множество! И всех их заботливые родичи мечтают пристроить сперва в магический уни-

верситет, после — на хорошую работу. Министерство Магии неизменно возглавляло список «хороших работ».

— Разве нет мест получше? — спросил Феликс, когда стопочка резюме выросла на пару сантиметров.

— Есть, — ответила ведьма, вскрывая толстый конверт, запечатанный черной сургучной печатью с распахнувшим пасть драконом, — во дворце. Но там официальная очередь, в которой учитывается титул, звание и родство с правящей фамилией. Этих, — она кивнула на стопочку, — возьмут разве что в дворцовые привратники.

Стоило в Министерстве Магии открыться новому отделу — редакции магического издания «Новый Аркаим», как об этом узнали мамки, няньки, дядьки и прочие заинтересованные в устройстве ненаглядных чад лица.

А когда узнали, что вакантную должность занимает обычный человек...

Пока Феликса спасал авторитет начальницы. Заявиться к самой Зинаиде Николаевне Клейнмихель с просьбой пристроить племянничка, доченьку или внучка стеснялся даже Министр.

Феликс старался не думать, что будет, когда он защитит курсовую, закроет стажировку и будет принят в штат министерской редакции.

По плану Зинаиды, уже к концу года она собиралась переложить на ценного сотрудника весь груз собственных редакторских дел и полностью отдаться секретным расследовани-

ям и загадочным магическим делам, по которым уже сейчас изрядно пропадала.

Возможный карьерный рост выглядел одновременно соблазнительно и опасно. Как любой взлёт, он открывал перспективы сверху, но и падать, при оказии, должно было быть больнее и обиднее. Особенно, если причиной падения будет не реальный прокол, а невинная селиверстова шалость духа, против которого «бессильный человечек» (как назвал его пакостник в первую встречу) был бессилен.

Вот сожжет рукописи перед сдачей номера и что? Останутся колдуны и ведьмы без рекламы новых магических притираний и новостей о здоровье его магператорского высочества. Тем более, подобный опыт у Селиверста уже имелся: дух «немношко поиграл с огоньком» и вот Феликс выходит на работу в новогодние каникулы — дописывать и восстанавливать пожжёное.

«В этот раз успеваю, — подумал стажер, перекладывая исписанные белые листы, — пока успеваю!»

О том, что успевает он только благодаря неделе выходных, на которые всё в Министерстве замерло, и которых в следующий поджог может и не быть, думать не хотелось.

Феликс вернулся из воспоминаний прошлого и пугающих мыслей о возможном будущем обратно во второе января, покосился на подозрительно притихшего домового. Тот притих еще подозрительнее.

Стажер хотел уже заняться черновиком какой-то очень

важной рекламной статьи о новом сорте белого миорского вина, как дверь бесшумно распахнулась.

В кабинет влетела Зинаида Николаевна. Румяная, будто с мороза, она выглядела моложе своих обычных тридцати. Скинула с плеч легкое осеннее пальто, которое тут же подхватил совсем поскучневший Селиверст.

Ведьма была одета в тонкое шерстяное платье, длинное, в пол. Как обычно, черного цвета. На ногах у нее были черные лаковые туфельки, совершенно не по московской зиме открытые и легкие.

Черная с серой седой прядью коса, длинная, до колен, обыкновенно туго собранная волосок к волоску, чуть растрепалась. Это показалось Феликсу необычным.

Он привстал, приветствуя начальницу.

— Алекс, чем занят?

Ведьма бросила на стол лаковую сумочку, насыщенно красную, в цвет любимой ведьмой помады. Запахло сандалом и корицей.

— Да, собственно, ничем.

Феликс отодвинул в сторону исписанные листы — статья почти не пострадала от огня, только края немного почернели, но вполне пристойно написанный текст был цел, оставалось лишь исправить слово «БОЖЕственное», которое со стороны заказчика кто-то (будто специально!) вставил в каждом абзаце, выделив дополнительно первые четыре буквы, так что мельком статья читалась как пестрое «БОЖЕ, БО-

ЖЕ, БОЖЕ, БОЖЕ». Работы впереди было немного — заменить хвалебное «БОЖЕственное» на менее приторные синонимы и в номер.

Гораздо интереснее было узнать, что Зинаида делает на работе утром второго января, в день, когда её в Министерстве быть точно не должно.

Начальница улыбнулась теплой, домашней улыбкой. Неуловимыми движениями поправила выбившиеся из прически прядки. Коса тут же приняла свое обыкновенное безупречное состояние. Ведьма сверкнула глазами, как она обычно делала, когда смотрелась в зеркало в соседнем кабинете (обыкновенное дело, Феликс уже привык, что она может смотреть через стену, хотя поначалу нервно дергался).

Домовой с непривычки нервно дернулся, но вовремя заметил движение Зинаиды Николаевны, успел сориентироваться и услужливо отодвинуть стул за мгновение до того, как ведьма на него элегантнейшее опустилась.

— Алекс, — Феликс терпеть не мог, когда его звали Феликсом и начальница с самой первой их встречи звала его «любимым» именем, — предположим, произошло весьма странное убийство магического характера. Убит мужчина. Убийцы нет, свидетелей нет. Магический след не обнаружен.

О, это было интересно! Зинаида редко рассказывала о «секретных делах», на которые отлучалась.

Он знал только, что они связаны с прорывами магии в мир людей. Если свидетеля магической аномалии можно бы-

ло убедить, уговорить, или стереть память, тут работала Зинаида. Если новости о магии просачивались в человеческие газеты или интернет, этим занимался «отдел маскировки новостей». Они придумывали «обыденное объяснение»: русалок в Ладожском озере маскировали воздействием паленого алкоголя, замеченных в подмосковном небе ведьм на метлах — миграцией журавлей, а колдующих при свидетелях магов (и такое бывает, хоть и запрещено!) — достижениями современной науки и техники.

Иногда ведьма задавала ему загадки-«задачки». Всегда внезапно, без подготовки. По договоренности Феликс должен был «сдавать задачки» также быстро, с ходу, без раздумий.

Зачем ей это — он не знал. Однажды она обронила, что ей нравится его подход и оригинальный образ мыслей, но ни до, ни после она не говорила, как использует его ответы.

Со временем стажер перестал удивляться «задачкам» и даже научился узнавать тот «задачный тон», которым она их озвучивала. Голос ведьмы менялся, становился чуть тише, немного вибрировал.

— Допустим... — неуверенно начал Феликс, — мужчина пришел в парк, присел на качельку и неудачно упал.

Информации было мало. Главным условием решения «задачки» было замаскировать нереальные события реальными, внешне достоверными, нормальными и обычными. В которые поверят люди и которые, что самое главное, не долж-

ны никоим образом, намекать на магической характер инцидента.

— Не выйдет, — покачала головой Зинаида, — это солидный джентельмен. Он не полез бы на качель.

— Хорошо, — Феликс принял к сведению и предложил новый вариант, — зашел в бар, началась пьяная драка, хулиганов выгнали и уже в парке они его догнали.

Зинаида звонко расхохоталась, прикрывая яркие губы ладонью.

— Не подходит, — возразила она, — убитый был сильным магом, мог положить роту солдат.

Задачка была нетипичной. Значит, событие нужно замаскировать не только от людей, но и от магов?

— Тогда нужно что-то совершенно банальное, — решил Феликс, — когда это произошло?

— Первого января, в новогоднюю ночь.

— Хм, — задумался стажер, — шел с корпоратива через парк, поскользнулся, упал, тюкнулся о камешек головой.

— Головой... парк... хорошая версия, — кивнула Зинаида и что-то застрочила в телефон, — спасибо.

Судя по реакции ведьмы, «задачка» была решена.

Феликс вернулся к статье о свойствах редчайшего магического вина и даже успел вычеркнуть из неё всё «БОЖЕственное», как в кабинет постучали. Из-за шкафа высунулся крайне заинтересованный кончик селиверстова носа.

Зинаида с удивлением посмотрела на Феликса, мгновени-

ем позже — на домового. Селиверст мгновенно оценил ситуацию и втиснулся обратно в зашкафье. Стук повторился.

— Войдите, — сказала Зинаида Николаевна.

Дверь осторожно открылась.

Глава 2. Порядок отчисления из магуниверситета

В кабинет вошла девушка, худенькая и стройная, с тонкой, почти детской фигуркой, затянутой в длинное зимнее платье зеленой шерсти с тоненькой белой вышивкой по краю подола. К груди она прижимала черную кожаную папочку с торчащим из неё белым краешком стопки бумажных листов.

Кончики её зимних сапожек были мокрыми, но без разводов ядрёного московского реагента. На плече блеснула пара белых шерстинок. Еще пару минут назад она явно была в шубке, которую оставила в гардеробе на первом этаже Министерства.

«Посетительница, — определил Феликс: среди чиновниц он её не видел, — судя по одежде — живет среди магов».

В Москве девушка могла одеться так на Хэллоуин или карнавал, но не на прием в Министерство. В отличие от редких приезжих из Зауралья. Там располагалась Восточная часть Магической Империи, скрытая от простых людей. И там, в числе прочего, носили традиционные костюмы.

Лицо девушки было юным — обыкновенное дело, так с ходу возраст у магов не определить.

За время работы в Министерстве Феликс понял только, что у старых колдунов и ведьм иное выражение глаз.

Взгляды у «стариков» с юными лицами были пронзительными, чуть горькими. Видели они что-то такое, что навсегда изменило их.

Эта девочка смотрела с любопытством, глаза её искрились энергией и уверенностью. Она была той, кем казалась, — юной, совсем юной ведьмочкой с черными волосами, собранными в два пышных хвоста.

«Только ведьмы отращивают и с гордостью носят длинные волосы», — вспомнил Феликс наставления Зинаиды.

Волосы посетительницы доходили до плеч — короче Зинаидиных. А значит, та не была ни самой сильной в роду, ни старшей в семье.

— А я, — она уставилась на Феликса большими карими глазами и проговорила немного неуверенно, — я к Зинаиде Николаевне.

— Я здесь, — подала голос начальница.

Феликс подозревал, что Зинаида специально поставила стол сбоку, так, чтобы посетители, искавшие её, утыкались взглядом в стажера, посаженного прямо напротив двери. И которого они в одном кабинете с «той самой Зинаидой Николаевной» никак не ожидали видеть. Когда ведьма подавала голос, жданные (и не очень) гости нервно вздрагивали. Или не вздрагивали.

Девочка не ожидала. Вздрогнула, дернулась. Чуть не выронила папочку из рук. Извинилась, назвалась Дариной.

— Что же привело тебя, Дарина, в Министерство второго

января?

«В день, когда в Министерстве никого не нет: все разъехались по родным, в отпуска, — подумал Феликс, — странно».

Зинаида смотрела на смущенную девушку спокойно.

«Изучает».

Дарина засуетилась. Феликс отложил неисправленную статью, поставил чайник.

Ведьмочка ужасно нервничала: она впервые была в Москве и, к тоже же, по важному делу — привезла Зинаиде Николаевне документ из Университета Штормов — учебного заведения для магов.

— Приказ об отчислении, — она протянула бумажку.

Зинаида склонила голову, пристально всматриваясь в лицо гостьи. Феликсу стало немного жаль девушку — под таким взглядом начальницы даже сам Министр Магии чувствовал себя неуютно. Юная ведьмочка, и без того нервно мнущаяся у министерского стола, вовсе побледнела. Рука с протянутой бумажкой мелко задрожала.

Черные блестящие глаза Зинаиды потемнели, будто растаяли ворота в только что пробуренные шахты.

Она протянула свою тонкую руку к предложенному листку. Пальцы Дарины, похоже, и вовсе свело от страха перед столичной ведьмой. Она не сразу догадалась выпустить документ и пару мгновений он подрагивал над редакторским столом, удерживаемый с двух сторон, пока госпожа Клейнмихель его не перетянула на свою сторону.

— Настоящим извещаем, — громко, чтобы было слышно на весь кабинет, прочитала она, — Феликс Шрайдер, стажер Министерства Магии, внесен в список на отчисление с первого курса кафедры Магического растениеводства за отсутствием сданной курсовой работы, не предоставленной студентом до завершения сего календарного года согласно приложению номер..., — она остановилась, посмотрела еще раз на Дарину, — что за приложение?

Та спохватилась и проворно раскрыла папочку, зашелестела. Приложение быстро нашлось и легло на стол перед ведьмой. Глаза Зинаиды походили уже не просто на шахты, но шахты, полные крошеного льда.

— Сдать две главы из трех до конца первого семестра? — Зинаида усмехнулась, — никогда такого не было. Хм, дата свежая.

Она тронула пальцем подпись ректора. Сомнения не было — и подпись, и печать были настоящими. Да и кто посмеет притащить ей, Зинаиде Клейнмихель, подделку? Девочка, опять же, дрожала весьма натурально.

Чайник закипел, но Феликс забыл про него.

— Подождите-ка, но первый семестр уже закончился, — пробормотал он, заглядывая Зинаиде через плечо. — Значит, меня отчислили?

— Нет, — голос Зинаиды зазвенел свежими льдинками, — отчислят тебя десятого января, когда секретарь ректора выйдет с каникул и принесет приказ ему на подпись. Уж это

еще не изменилось?

Десятидневный отпуск с захватом Рождества оказался неподвластен изменениям. Дарина подтвердила, что формально Феликс еще не отчислен.

— Хорошо, — ответила Зинаида молодой ведьмочке тоном, из хорошего обещающим только красивые венки и качественные услуги плакальщиц,— что еще?

Дарина прижала папочку к груди, будто защищаясь ей.

Из папочки торчали уголки ещё нескольких листочков — пока не предъявленных. Задавая вопрос, Зинаида смотрела именно на них.

— Это, — Дарина запнулась и продолжила полушепотом, — рекомендации.

Папочку она передала целиком и тут же вся съежилась, будто лишенная последнего щита, которым могла отгородиться от возможного гнева великой и ужасной Клейнмихель.

Зинаида открыла и пролистала содержимое под комментарии подрагивающей девушки:

— Вот моё резюме, — шептала она, — Дарина Шереметева. Закончила университет с отличием. Вот фото как раз, где мне ректор вручает награду. О, Зинаида Николаевна, — добавила она с откуда-то взявшимся придыханием, — он рыдал, когда я выпускалась. Я была редактором университетской газеты. Вот мои статьи, — в папочке нашлись вырезки из студенческой газеты, — и мои рассказы. Обожаю писать!

Моим любимым предметом была литература, всегда мечтала стать журналистом, — она осмелела и почти тараторила, рассказывая о своих учебных достижениях.

Зинаида небрежно просмотрела предложенные её вниманию рекомендательные письма, вырезки и фото. Закрыла папку и положила в стопочку справа, ту, что с резюме. На фоне обычных листков, присылаемых по внутренней почте, кожаная папочка выглядела, конечно, солидно.

— К чему это все? — ведьма посмотрела в глаза девушке, но в этот раз не так грозно.

— Как же, — Дарина снова смутилась, — ведь стажер... его отчислят. Место освободилось, вам же нужен сотрудник. Вот, я пришла, у меня рекомендации...

— Место, — голос Зинаиды царапнул воздух, — занято. Судя по Приложению, пункт 18 точка 6, — Феликс Шрайдер имеет право зачесть две из трех глав курсовой до официального начала следующего семестра. Которое наступит не ранее десятого января.

Феликс осторожно вытащил из-под локтя начальницы упомянутое приложение.

Не верилось, что его вот так могут вышвырнуть на улицу.

«Могут», — поправил он сам себя.

Работать в самом секретном из существующих маггосучреждений имели право те, кто подтвердит профпригодность. Минимальным требованием были сдача экзаменов и научная работа по любой магдисциплине. С экзаменами кол-

леги ему помогли, с курсовой... похоже, не успели!

— Но деканат закрыт, — начала было Дарина, — как же он сдаст?

Феликс с тоской посмотрел на свой рабочий стол. Девчонка была права — курсовая на этапе чернового черновика! Он планировал дописать её к весне, чтобы защитить вместе с остальными первокурсниками.

Все летело к чёрту.

— Деканат закрыт, — подтвердила Зинаида, — и никто из ныне работающих в Шторме не согласится оторваться от любимых внучков ради стажера, — она усмехнулась, — но вы не учли еще один момент, — Феликс замер. Неужели есть шанс? — курсовую работу должен принять профессор магического растениеводства. Даже если он сейчас не преподает.

Дарина, и без того большеглазая, так распахнула свои глазищи, что стала похожа на маленького испуганного лемура.

— Алекс, в аэропорт, — жестко сказала она, прикрыла глаза и добавила, — ближайший рейс через три часа.

— Куда?

— В Калининград. Одна моя старая... подруга давно хочет вернуть мне должок.

— Она... профессор растениеводства?

— Фон Скальва — лучший специалист в Европе.

Дарина приоткрыла ротик, прижимая к груди плотно сжатые кулачки.

— Это правда, — прошептала она, — тетю Луизу посто-

янно уговаривают вести практику в Штормах. Но она всегда отказывается. И студентов она не берет. И ещё…

Зинаида аккуратно выпроводила Дарину, не дав той продолжить. Феликс хотел переговорить с начальницей, но и его она быстро отправила — до вылета оставалось всего ничего.

— Езжай, — начальница сунула ему в руки конверт с недописанной курсовой, — перечитай по дороге. Приедешь, сразу отправляйся к ней в Красный лес. Лу суровая, но честная. Мне она не откажет. Ты сдашь, — уверенно сказала она, — все, поторопись.

Под столом Феликса зашуршал домовой.

— Селиверст, — обратилась Зинаида к духу домашнего очага, когда дверь за Феликсом захлопнулась.

— Я, — с надеждой отозвался тот.

— Вы же хотели в деревянный дом?

Селиверст засопел. Отрицать очевидное не имело смысла. В который раз. Но к чему ведьма спрашивает?

Ведьма, тем временем, достала из стола листок бумаги — белой, без министерских печатей и гербов, а значит — из своих собственных запасов, для неофициальных посланий. Задумалась на мгновение, после чего начала стремительно выводить перышком тоненькие изящные строчки.

Дух затих, стараясь не отсвечивать — авось, начальница забудет о его присутствии.

Начальница дописала до середины послания, поставила аккуратную запятую, вдруг вспомнила что-то, остановилась.

Пиликнул магический смартфон — пришло сообщение. Прочитала. Не выпуская из рук морально (но не магически) устаревшего письменного прибора с набухшей чернильной каплей на самом острие перышка (капля, впрочем, не спешила испортить ведьмино послание и замерла, будто приморожденная), ведьма бросила смартфон на стол, зашипела что-то на непонятном селиверсту языке, ругаясь сама собой.

С потолка эффектно упала антикварная хрустальная люстра. Чернильная капля боязливо поползла вверх по стержню гусиного пера.

Ведьма дождалась, пока утихнет хрустальный звон, и уже совершенно успокоившись, спросила у незабытого ей Селиверста:

— Не хотите посетить уютную избушку в умеренно глухом лесу? Чистый воздух, мягкий климат.

Селиверст не хотел. Селиверсту прекрасно жилось в теплых министерских кабинетах. Даже здесь, под феликсовым стулом, ему казалось гораздо уютнее и энергетически сытнее, чем в неизвестной экологически чистой избушке. Дух покосился на смятую под собственным весом люстру в луже переливающихся осколков.

— Если только посмотреть, — осторожно ответил он.

— Отлично, — согласие духа было получено, Зинаида дописала ещё пару слов в письмо, свернула его в трубочку и перевязала заговоренным шнурком, — отправляйтесь следом и передайте моё послание Луизе Карловне.

Дух обреченно протянул ручку в кожаной переточке и едва не расплакался — впервые за века его подрядили… работать!

***

Когда Зинаида выставила Феликса в длинный министерский коридор, там никого не было. Дарина, покинувшая кабинет минутой ранее, уже испарилась в неизвестном магправлении.

«А точнее, воспользовалась пространственной дверью, — понял Феликс: двери рабочих кабинетов были заперты, добежать до видневшегося вдали лифта девушка просто не успела бы, а вот пространственные двери были в десятке метров от редакции.— Интересно только, кто ей помог?»

Министерские пространственные двери могли переместить магически одаренного сотрудника Министерства во множество разных мест. Вот только Дарина не была сотрудником Министерства. Значит, кто-то её провёл.

«Но кто?»

В наличии этого «кто» Феликс был полностью уверен. Он сам, будучи обладателем магической печати Министерства, вынужден был просить коллег-магов открыть нужную дверь (хоть и не любил ими пользоваться — при переходах Феликса с непривычки до сих пор здорово мутило, но что ни сделаешь ради любимой работы).

«У меня есть пропуск в двери, но нет магии, — невесело подумал он, — у Дарины есть магия, но нет пропуска. Один-

один.»

Феликс еще раз осмотрел коридор — все ещё издевательски пустой. Никаких признаков ни девушки, ни её министерского доброжелателя не обнаружилось.

Тренькнул магический телефончик, оставленный, вообще-то, в ящике рабочего стола. Точно такой же, как у Зинаиды Николаевны.

Артефакт-«нетеряшка» — смартфон, который невозможно разрядить, сломать, забыть или потерять. Он появился в кармане в момент, когда Феликсу пришло сообщение с номером рейса до Калининграда.

«Хотя бы знаю, какой аэропорт, — подумал он; в голове звенели слова юной ведьмочки: „тетя Луиза, тетя Луиза...“ — Профессор ещё и тетка этой... заместительнице!»

Времени было впритык, но в новогодние каникулы цены на такси выросли раза, эдак, в три. Поочередно открыв три различных приложения с услугами таксистов, Феликс окончательно убедился в полной неадекватности ценообразования и привычно направился к метро. Добрался до Павелецкого вокзала, пересел на экспресс в Домодедово.

— Паш, — поезд тронулся, Феликс набрал своему университетскому другу, — надо уехать. В командировку. Не знаю, на сколько. Понимаю, да, - он выслушал ответ, — можешь заехать к маме, отвезти лекарства? Да. Нет. Спасибо.

Пашка, конечно, согласился. Хоть второго января, хоть первого. Без лишних вопросов выбрался из-под одеяла и по-

обещал заехать на квартиру к Феликсу, а после — в столичный онкологический центр, в который пару месяцев назад с большим трудом удалось перевести, а после — перевезти из Томска, маму Феликса.

Пакет с лекарствами Феликс собрал с вечера — планировал заскочить за ним после работы.

Больница была государственной. Лекарства, по давней российской традиции, в комплекс оказываемых услуг не входили. Стоили они так, что цены посленовогоднего такси выглядели на их фоне ценником на мороженое рядом со счетом за покупку спорткара.

Деньги были нужны, даже очень. В Министерстве Феликсу платили приличный оклад. Собственно, благодаря ему Антонина Петровна и была еще жива. Зарплаты обычного журналиста не хватило бы даже на подарки врачам. Но Феликс не был обычным журналистом. Феликс был журналистом волшебным. Самым что ни на есть волшебным. А как еще назвать сотрудника новостного издания при Министерстве Магии?

Глава 3. Изумительная маскировка

В Домодедово Феликс приехал вовремя. Перед стойкой регистрации никого не было. Скучающая девушка выдала ему билет.

Щедрое Министерство оплатило перелет по полной программе: с дополнительным багажом, местом в бизнес-зале ожидания и даже правом перевозки животных.

Досмотр прошел быстро. С собой у Феликса был только паспорт. Багаж Зинаида обещала прислать прямо в аэропорт.

У нужного выхода все кресла были заняты. Он немного прогулялся вдоль длинной стеклянной стены, посмотрел на тоскующие по небу стайки самолетов, припаркованные тут и там.

Уже объявили посадку, когда нетеряшка выплюнула сообщение — «Багаж». К нему прилагалась карта аэропорта с жирным крестиком в уголке.

Пассажиры калининградского рейса выстроились в длинную очередь перед пока закрытыми дверями длинного коридора, ведущего прямо в самолет.

Феликс поторопился — нужно было успеть в другой конец аэропорта и вернуться.

В нужном месте нашелся небольшой закуток. Совершенно пустой, если не считать шкафчика на стене. Судя по надписи, внутри находился пожарный комплект: огнетушитель

и гидрант. На ручке болталась тонкая проволочка с сорванной пломбой.

Феликс огляделся — вокруг никого. Осторожно дернул за ручку — шкафчик открылся.

Внутри лежал его рюкзак и пара незнакомых сумок.

Зазвонил телефон.

— Алекс, — Зинаида на том конце звучала немного нервно, — нужна твоя помощь.

— Да, конечно, — Феликс достал из шкафчика рюкзак и сразу накинул на плечо.

— Дело секретное, — Феликс услышал звук её каблучков — ведьма бежала, — нашего агента раскрыли. Сейчас кину координаты. Тебе нужна третья кабинка. Посмотри и запомни, куда идти. Сообщение удалится после прочтения. Возьми сумки, это для агента. Вам по пути, ты её прикроешь, — Феликс застыл, стараясь запомнить все, что говорит начальница, — доставь в Калининград. Никому! Никому не говори о ней, даже Атлану, — называя необычное имя, Зинаида поставила ударение на первую А, — Слушай во всем и ни на шаг от нее! Понял?

— Понял, — ответил Феликс, выдергивая из шкафа сумки для агента.

— Хорошо. Всё. Не могу больше. Лови.

Прислоненный к уху смартфончик завибрировал, принимая файл.

— Стойте, — Феликс успел — Зинаида еще не положила

трубку, — кого я должен забрать?

— Катерина, — ответила Зинаида Николаевна шепотом, добавила еще фамилию агента, но так тихо, что Феликс не расслышал, — она замаскирована, но ты её узнаешь. Всё, не могу говорить.

Раздались короткие гудки.

— Кто такой Атлан? — спросил он, но ему никто уже не ответил.

Феликс прикрыл за собой пустой шкафчик, поправил сорванную пломбу и открыл документ с координатами.

Нужное ему место было у самого выхода на посадку.

«Как удачно, — подумал он, — успею.»

Чтобы точно успеть, Феликс побежал.

Пассажирская очередь до Калининграда сократилась уже вполовину.

«Вроде бы сюда, — Феликс хотел свериться с картой, но сообщения от начальницы в телефоне уже не было, — значит, точно сюда!»

Он свернул за угол и опять оказался в тупичке. На этот раз — без пожарных шкафчиков, зато с двумя дверьми. Слева — в мужской туалет, справа — в женский.

Ему, судя по самоуничтожившейся карте, нужно было как раз в комнату для припудривая прекрасных носиков.

Феликс на мгновение замешкался, не решаясь открыть нужную дверь.

Та открылась сама. Вышла маленькая сгорбленная жен-

щина с ведром и шваброй. Повесила на ручку затертую пластиковую табличку «Не входить идёт уборка» и неспешно удалилась.

По громкой связи объявили, что посадка на рейс до Калининграда заканчивается. Опаздывающих пассажиров просили поторопиться.

Феликс понял, что в число опаздывающих уже точно входит. И если сейчас не решится войти в женский туалет — возглавит также компанию опоздавших и, как итог, оставшихся в Домодедово.

Он невольно зажмурился, готовый в любой момент начать извиняться перед застигнутыми в уборной дамами.

Медленно нажал на дверь. Подождал — тишина. Открыл глаза: намытый пол сверкал бликами, двери кабинок были приоткрыты, у длинной раковины вдоль стены никого не было.

Феликс проник внутрь, закрыл за собой. Подошел к третьей кабинке — единственной запертой.

— О чем задумался, открывай, — раздался недовольный женский голос из кабинки.

Феликс дернулся, рюкзак соскользнул с плеча, повис на локте.

— Как? — он толкнул запертую изнутри дверь, путаясь в ремнях навешенных на плечи сумок.

— Посильнее, — ответили ему с той стороны.

Он нажал посильнее, хлипкая туалетная защелка хрустну-

ла — дверь распахнулась.

Секретный агент Министерства Магии была замаскированная изумительно — в кабинке никого не было.

Феликс уставился на кафельную плитку на противоположной стене. Автоматическая кнопка слива мигнула красным огоньком, зафиксировала движение и шумно спустила в унитаз воду.

— Я здесь, болван, — раздалось ворчание снизу.

Феликс посмотрел под ноги. На полу, в лужице скользкой черной ткани сидела очаровательная белая кошечка с большими зелеными глазами.

— Катерина? — растеряно уточнил он.

— Для тебя — Катерина Ивановна, — ответила кошка и нервно дернула пушистым хвостиком, — чего стоишь?

— А что, — Феликс смотрел на кошку, — нужно делать?

— Маскировать место, — возмутилась она, повела маленькими аккуратными ушками, покрытыми такой тонкой шерсткой, что на самых кончиках сквозь нее просвечивала нежная розовая кожа, — в агенты теперь берут кого попало?

Рюкзак снова съехал с плеча, неудобно повис на локте.

— Я не агент, — начал Феликс в свое оправдание, — я стажер Зинаиды...

— О старые боги! — кошка закатила изумрудные глаза, — ведьма сошла с ума. Ладно, бросай сумки, помогай. Стажер, фш! А то у меня, видишь, — она потешно вытянула белоснежную лапку.

Феликс послушно уронил вещи на пол.

— Что делать?

— Тряпки в мусорку, — кошечка неловко вылезла из вороха черного шелка, — и быстро. Надо убираться.

Феликс живо сгреб и живо запихнул в пустое мусорное ведро лёгкое женское платье, и туфельки на высоком каблучке, оказавшиеся в самом низу вместе с крошечной дамской сумочкой. Её он отложил в сторону. Вдруг пригодится?

По громкой связи объявили, что до конца посадки на их рейс осталось несколько минут. Стажер подхватил с полу багаж.

— Идем?

— Куда? — шерсть на кошачьем загривке приподнялась. — Фш! Надо прикрыть, заметят, — она кивнула на мусорку, — Давай бумагу сверху!

Феликс спешно рванул рулон на себя.

— Мотай, мотай, не жалей, — приговаривала кошка, пока стажер огромный рулон, какие обыкновенно ставят в кабинках общественных туалетов, не отмотал до половины.

Когда он живописно уложил белый слой поверх черного, кошка заглянула в ведро.

— Плохо, — оценила Катерина Ивановна старания Феликса, — ненатурально. Надо помять. И порвать. Живо! — приказала она.

Феликс оторвал от казенного рулона еще. Уже кусочками поменьше, смял и бросил сверху под пристальным наблюде-

нием агента.

— Плохо, очень плохо, — результат ей снова не понравился.

— Почему?

— Слишком все чистое. Вёдра в женских туалетах не видел что ли? — недовольно пробормотала кошка, выпуская когти.

Полоснула пару раз по бумаге, размахривая край.

— Как-то не приходилось, — честно признался Феликс, — а что туда нужно для достоверности?

Кошка скосила на него зеленющие глаза:

— Лучше тебе не знать, — и добавила печально, — эх, крови бы немного. Тогда точно никто сюда не полезет... Так, у меня помада есть.

Феликс, не дожидаясь дальнейших указаний, распотрошил дамскую сумочку, в которой ничего, кроме ключей и помады, не оказалось.

— Все в мусорку, — сказала кошка, когда он достал тюбик с жидкой алой помадой, — открывай и лей, быстрее!

Феликс засунул сумку с ключами на самое дно, подрагивающими руками открутил колпачок и быстро растряс содержимое поверху.

— Сойдет, — оценила кошка, — теперь помаду в ведро и рвем когти, — заявила она и метнулась к выходу, демонстрируя на своем примере правильный порядок действий, как вдруг остановилась. — И коробку с возьми.

Феликс хотел спросить «Где?», но тут увидел край небольшой бархатной коробочки в углу, прямо за злополучным ведром. Крышка на ней съехала вбок, открывая скомканную шелковую тряпочку — старую, почти истлевшую. В шелковом свертке что-то лежало, но времени рассматривать не было.

Феликс сунул коробочку во внутренний карман куртки и бросил последний взгляд на залитую алыми каплями мусорку.

Выглядело, будто в кабинке только что провели маленькое, но очень кровожадное жертвоприношение.

Феликс бросил узкий тюбик с жертвенной жидкостью на с краю, прикрыл мятыми листками и рванул за кошкой, стараясь не думать о том, что же обычно бывает в ведрах женских туалетов, если ЭТО — «сойдет».

Пассажирская очередь, судя по её отсутствию, успела перекочевать в самолет. У конторки с логотипом авиакомпании стояли две девушки в фирменных пиджачках.

На вопрос запыхавшегося Феликса, успел ли он, девушки ответили утвердительно.

— Животное — в переноску, — сказала одна из них, отрывая корешок посадочного.

— Что?

Кошка, то есть, Катерина Ивановна, успела доскакать до стеклянных дверей и теперь сидела перед ними, с интересом разглядывая металлическую ручку в метре над собой.

— Животное весь полет должно находиться в переноске, — равнодушно вежливо пояснила девушка.

Феликс растерянно посмотрел на сотрудницу авиакомпании.

— Хотите, я вам помогу, — вздохнула она, — только кошку сами держите.

Феликс поймал её взгляд у себя на плече только теперь понял, что одна из полученных в шкафчике сумок — с сетчатым боком и веселыми картинками — предназначена для перевозки животных, а не багажа.

Феликс заглянул внутрь. Там лежала маленькая книжица — ветеринарный паспорт.

«Теперь ясно, почему такая легкая!»

Кошка, сидящая у выхода на посадку, сощурила зеленые глаза и грозно зашипела.

— Какая красавица, — восхитились девушки, — с характером она у вас!

— Не то слово, — пробормотал Феликс, — давайте лучше я сам.

Они посторонились, Феликс бросился к кошке. Та прижалась спиной к стеклянным дверям, выставила вперед пушистые белые лапки, явно готовая атаковать.

— Катерина Ивановна, — зашептал Феликс, склоняясь над сверкающей глазами «красавицей», — полезайте в переноску.

Кошка приподняла верхнюю губу, показывая маленькие

остренькие клычки.

— Сам лезь, болван! — прорычала она.

Девушки, стоящие достаточно близко, чтобы разобрать её слова, заозирались. Вокруг никого не было. Только этот симпатичный парень и пушистая кошечка.

— Катерина Ивановна, вас что, другие люди слышат? А как же маскировка? — он подтянул цветастую переноску поближе, кошка глухо зарычала.

— Слышат, — подтвердила она, косясь на растеряных девиц, — но я не полезу!

Девушки снова заозирались.

— Говорите тогда потише! — испуганно зашептал Феликс, — И что-то кошачье. Мяу, моу, урр? Я выгляжу как псих!

— Псих? — кошка зашипела, — До психа еще надо дорасти. Пока ты выглядишь как обычно, болван болваном!

Девушки в форме продолжали прислушиваться к подозрительному любителю домашних животных. Феликс обернулся, улыбнулся и помахал им рукой.

— У нас все нормально, мы сейчас! — и вернулся к кошке, которая впечаталась пушистой спинкой в стекло и угрожающе подёргивала лапками при всяком движении Феликса в её сторону, — Катерина! — он поймал яростный блеск в изумрудных глазах и добавил, — Ивановна, нас... вас могут раскрыть! Зинаида сказала...

Кошка перебила его свистящим шёпотком:

— Знаю я, что она сказала! Нам нельзя разделяться, значит радиус небольшой. Артефакт у тебя где?

— Что?

— Коробка, болван! Забрал? Это маскирующий артефакт, он меня… замаскировал! Мощная штука, — она дернула шерсткой на спине, — но шла без инструкции. Далеко не отходи, понятия не имею, как далеко он действует. Раз Зинаида сказала, что разделяться нельзя — значит радиус небольшой.

Феликс тронул рукой куртку в районе сердца.

— На месте, — коробочка лежала во внутреннем кармане куртки, в паспортом и другими важными вещами.

— Это хорошо, — кивнула кошка, — тогда открывай двери и бежим в самолет!

— Как?

— Совсем слабоумный? — зашипела она, — брось на них очарование или цецитас.

«Cecitas или caecitas? — подумал Феликс и на автомате перевел с латыни как „слепота“», после чего быстро обернулся назад. Девушки на стойке напряженно смотрели на него. Одна замерла с поднятой трубкой в руке. Кажется, что-то услышали.

«Сейчас вызовут охрану, — обреченно подумал Феликс, — и никуда мы не полетим! Решили, что я псих или террорист...»

— Я не могу, — он развернулся обратно к Катерине, —

полезайте в переноску... пожалуйста! Иначе нас отсюда вышвырнут и никто никуда не полетит.

Кошка посмотрела на него. Её большие зеленые глаза округлились до идеальных кругляшей, обрамленных тончайшими белыми ресничками.

— Ты чей племянник вообще? — подозрительно спросила она, — Откуда взялся? — и совершенно возмущенно, — позор, в Министерство теперь берут даже двоечников, отчисленных с первого курса?! Какой у тебя уровень?

Феликс на мгновение прикрыл глаза. Сзади подозрительно зашуршали. Послышался звук женских каблучков.

«Уже пришли, — подумал Феликс об охране, — сейчас заберут в отделение, пока выяснят, что ошиблись...»

— Никакого, — он открыл глаза и поймал ошарашенный кошачий взгляд, — никакого у меня уровня, я — человек, обычный, не колдун, — прошептал он, — но вы почти угадали. Если мы сейчас не улетим, меня правда отчислят и уволят.

Кошка отреагировала интересно. Совершенно человеческой вздох начался с длинного «ооооо» и плавно перешел во вполне себе кошачье разъяренное «оуууууууррррррр».

Феликс счел услышанное за возглас одобрения и подпихнул переноску вплотную к воющей животине. Животина удвоила громкость и саданула по вражеской руке. Первый раз — без когтей, на предупреждение.

— Да что такое?! — воскликнул он в отчаянии, — летим

или нет?

— Летим-м-м-м, — ответила кошка сквозь мяв, — но-м-м-м я в сум-м-м-ку не полезу-м-м-м-м!

В подтверждение твердости намерений Катерина угрожающе прижала к голове свои маленькие розовые ушки, отчего стала поразительное похожа на ужасно милого, но разъяренного дракончика из популярного диснеевского мультфильма.

— У меня есть ноги! — Катерина скосила свои изумруды на цветастую переноску, — то есть... лапы! Я могу идти! Я туда не полезу! Я не животное! Я, — она снизила тон, — специальный агент на задании!

— Это маскировка! — Феликс почувствовал, что у него задергалась жилка на щеке, — пожалуйста, очень прошу!

Он раскрыл пошире вход в мягкую сумку. Катерина Ивановна и не думала смотреть в сторону этого сомнительного предмета.

— М-м-м-м-нет, — продолжала подвывать она, — я не жи-м-м-м-отное-м-м-м!

— У вас все хорошо? — спросила девушка на стойке, — осталось три минуты.

Другая девушка куда-то исчезла.

Феликс, отчаявшись договориться с женщиной в теле кошки, решил попробовать договориться с женщиной в теле женщины, надеясь на большую адекватность.

— У нас все хорошо, — начал он просто, чтобы с чего-то

начать, — перенервничала, — кивнул он в сторону распушившейся на полу Катерины, — дайте нам минутку и мы... Скажите, а можно будет в самолете её достать. Она тихонько посидит у меня на коленях.

Катерина Ивановна, прекрасно слышавшая каждое слово, недовольно заворчала.

— То есть, — попытался исправиться Феликс, — на полу. Можно?

Девушка посмотрела на сверкающую глазами Катерину, на нервно улыбающегося Феликса и покачала головой.

— Не думаю, — ответила она, — если животное спокойное, мы еще иногда разрешаем. Но ваша... не в себе. Она может быть опасна для других пассажиров.

Феликс в душе с ней был полностью согласен. Но часики на руке девушки тикали, оставляя все меньше времени до вылета.

— Слушайте, — решился он, — а если я...

Что хотел предложить Феликс, девушка так и не узнала.

К ним спешно подошел элегантно одетый мужчина в строгом костюме.

За собой мужчина катил пару чемоданчиков на колёсиках. Один был обтянут тем, что издали можно было принять за снова входящую в моду имитацию крокодильей кожи, второй — точно такой же, но сочного вишнёвого цвета.

Впрочем, вблизи стало понятно, что имитация вовсе не имитация. Судя по приятному мягкому блеску, на пошив че-

моданов пошли шкуры минимум четырех матерых рептилий стоимостью с небольшое состояние.

Мужчина протянул девушке свой билет, немного растерянно спросил, не приходила ли его жена, которая тоже опаздывает, но куда-то подевалась.

— Может быть, она в самолёте? — пробормотал он, — О, вы из Министерства! — поприветствовал он Феликса, — Простите, простите, ума не приложу, куда пропала моя супруга! — он протянул руку и представился, — Атлан Амберро.

Феликс автоматически пожал протянутую руку, не сразу сообразив, о чем говорит мужчина, чьё имя звучало ровно так, как говорила Зинаида — Атлан, с ударением на первую А. Пока это было всё, что Феликс знал о нём. Помимо того, что даже ему нельзя говорить о Катерине.

Ему было около тридцати. Высокий и стройный, со смуглой южной кожей. Такой, что достаточно на минутку выйти на солнце, и вот она уже покрыта плотным коричневым загаром.

Черты лица немного резкие, но не грубые. Тонкий, чуть длинноватый нос делал его удивительно похожим на римлянина с одной из старинных монет. Черные глаза с парой золотистых искорок обрамляли лучики мелких морщинок. Такие глаза бывают только у людей любящих и умеющих смеяться. Людей добрых, надежных.

Атлан Феликсу сразу понравился.

— Феликс Шрайдер, — представился Феликс, — Департамент информации.

— Приятно познакомиться, — ответил Атлан и еще раз извинился, — простите, такая яркая печать! — он посмотрел ему в район груди, — как я вас не увидел издали, не представляю!

Феликс пожал плечами. Печать Министерства, положенную каждому сотруднику, ему поставила Зинаида. Он сам её никогда не видел, а с колдуном вне стен Министерства встретился впервые. Потому не знал, как, в общем-то, реагировать на эти извинения.

— Может, вы видели мою жену? — маг выглядел обеспокоенным, — Блондинка, вся в черном, длинные волосы, серые глаза. Хотя знаете, — подумал он, — когда злится, зеленеют. Когда радуется... а впрочем, не важно, — он посмотрел на Феликса с надеждой, — отошла на минутку и пропала. Оставила чемодан, с собой только сумочка.

«Маленькая такая, чёрная, — подумал Феликс, — с ключами и красной помадой…»

— Не видел такой… девушки, — он чуть запнулся, не уверенный, что сможет обмануть колдуна; посмотрел на Атлана, но тот, похоже, ничего не заметил, тем более, формально, сказанное было чистой правдой. Феликс постарался побыстрее перевести тему, — Вы тоже в Калининград?

— Да, — ответил Атлан, — Семейные дела. Срочные.

За спиной Атлана застучали каблучки.

— Атлан, — послышался подозрительно знакомый девичий голосок, — в туалете её тоже нет!

Мгновение и на локте элегантного Атлана повисла черноволосая ведьмочка с волосиками, собранными в пару пышных хвостиков. В отличие от растерянного колдуна, Дарина выглядела крайне довольной. Девушка успела переодеться в «человеческую» одежду: стройные ножки обтягивала узкая трикотажная юбка насыщенного зеленого цвета, сверху — не менее узкая трикотажная водолазка такого светло-бежевого оттенка, что издали ведьмочка казалась обнаженной по пояс. Если бы не накинутая на плечи кожаная курточка... Только расшитые колдовские сапожки и остались от прежнего костюма. Но кто ж на них будет смотреть, когда водолазка ей, кажется, еще и маловата!

— Феликс! — она смерила его чуть презрительным взглядом. — Летишь, значит?

От растерянной скромницы, с трепетом подкладывавшей на стол Зинаиде свое резюме, ничего не осталось.

— Лечу, — спокойно ответил Феликс, — ты тоже?

— Да, — она потянула это «да», чтобы Феликс точно заметил неприкрытую издевку, — так соскучилась по тетушке Луизе, решила навестить. А тут, — она сменила тон на приторно радостный, — встретила Атлана!

Она нежно посмотрела на чужого мужа. Тот с некоторым удивлением перевел взгляд на вцепившиеся в него женские ручки, но тактично промолчал.

— Может, не поедешь? — спросила Дарина, обращаясь к стажеру.

Угрозы в её голосе не было. Со стороны выглядело, будто она интересуется совершенно искренне.

Феликс вздохнул. Он, может быть, и не против был бы уступить место в Министерстве этой девчонке. Целеустремленная заносчивая... ведьма! Куда ему с такой тягаться.

Но у него перед глазами всплыл счет за материны лекарства и... обещание Зинаиде доставить Катерину в нужное той место.

«Обещания нужно выполнять, — подумал он, — данные себе или кому-то.»

— Поеду, — он улыбнулся как можно спокойнее.

Они стояли напротив друг друга. Дарина сверлила взглядом, желая, видимо, испепелить на месте. Феликс просто смотрел. Девчонка бесилась. Но при свидетеле молчала. Только руку Атлана сжимала все сильнее. Воспитанный мужчина терпел.

— Проходите, — вмешалась девушка со стойки, — посадка закончилась. Через минуту закрываемся. Не забудьте кошечку!

Стеклянная перегородка отъехала в сторону, открывая проход к самолету.

— Ты летишь с кошкой? — удивилась Дарина.

— Такой вот я, — Феликс демонстративно развел руками, — с причудами.

«А где, кстати, кошка?» — подумал он, оглядываясь по сторонам.

У раскрывшихся стеклянных дверей осталась только пёстрая кошачья сумка. Катерины Ивановны видно не было.

— Мяу. Моу. Ур. — послышалось из переноски.

Глава 4. Чёрная карточка

Когда в самолёте Атлана и Дарины сели с ним на один ряд, Феликс не удивился. Он разместился у проходу, в центре — Атлан, Дарина — у иллюминатора.

И если Атлан разместился согласно своему билету, то ведьмочка ещё до взлета рассказала, что на самом деле её место дальше по салону, тоже в проходе.

— Но мне так хочется посмотреть в окошечко, — надула она прехорошенькие губки, — вы же не против, если я сяду рядом?

Атлан только пожал плечами.

— Конечно, — согласился он.

Феликсу показалось, что в этот момент мужчина с тревогой посмотрел по сторонам. Искал жену?

Самолет уже выруливал на взлетную полосу, взяться новым пассажирам было неоткуда. Так что причин отказать девушке не было. Тем более, та уже заняла чужое место и спрашивала разрешения постфактум. Или чтобы заполнить возникшую паузу?

Пауз, Дарина, похоже, не любила. Она не замолкала больше, чем на минуту. Беседой она занимала, по большей части, сидящего рядом Атлана. Феликсу почти ничего не перепадало, чему он был рад. Но не слышать её, увы, не мог.

Первым делом Дарина рассказала своему соседу о ново-

стях и состоянии дел их общих знакомых, о здоровье университетских преподавателей и, кажется, все собранные сплетни о загадочном наследнике Магической Империи, которые она все же предпочла сохранить от Феликса и остальных пассажиров в тайне, нашептав их мужчине на ухо с крайне заговорческим видом.

Изгиб ведьмочкиной спины, её приоткрытые запястья и трепетно подрагивающая рука, легшая будто невзначай на плечо колдуна выглядели настолько интимно, что Феликс начал подозревать: сплетни могли быть только поводом прижаться к эффектному Атлану поближе.

Дошептав последнюю, видимо, особо веселую, она откинулась на спинку кресла и рассмеялась, не отрывая взгляда от Атлана. Он тоже улыбнулся, хотел даже что-то сказать, но в итоге промолчал.

Феликс думал, что девушка замолчит хотя бы на время взлета. Но Дарина и правда не терпела тишины. Даже если в уши бьет шум турбин.

— А как идет добыча янтаря? — спросила-прокричала она так, что её вопрос услышали, кажется, в хвосте самолёта.

Атлан ответил односложно и кратно. Этого оказалось достаточно, чтобы развернуть часовой рассказ о украшениях дариниой матушки.

— У нее есть бусина, — с легким придыханием проговорила ведьмочка, — величиной с горошину!

Беседа о бусине заинтересовала мага. Феликс, будучи

невольным свидетелем их разговора, узнал, что семья Атлана занимается добычей океанического янтаря в северном море. Янтарь этот — крайне редкий материал. Каждая бусинка, будь она хоть с песчинку размером, на счету.

— О да, — подтвердил Атлан, — припоминаю. Этот кусок добыли как раз на Балтийском берегу. Мой дядя Шаба, — он погрустнел, — в молодости был ныряльщиком...

Дарина тут же подхватила, будто ждала упоминания этого самого дядюшки.

Конечно же, оказалось, что дядюшка и ей приходился дальним, очень дальним родственником.

Скоро выяснилось, что Атлан вместе с женой были спешно приглашены почтить его память.

— Как?! — воскликнула Дарина, — дядюшка Шаба умер? — и тут же взяла себя в руки. — Ну конечно же, мне говорила тётушка Луиза. Я обязательно приеду вместе со всеми родственниками проститься с ним, — она сочувствующе приобняла мага и прижалась так близко, как только ей позволял застегнутый ремень безопасности.

— Да, конечно, — пробормотал Атлан, — оставьте свой номер, я его передам распорядителю церемонии.

Дарина, вдохновленная просьбой, бросилась собственноручно вбивать свой номер в телефон отягощенного горем племянника некоего Шабы.

— А вас, должно быть, — обратился Атлан к Феликсу, — Министерство отправило для составления некролога и ста-

тьи о жизни нашего дорогого родственника?

— Что? — не понял Феликс, — А, да, да! — подтвердил он, когда длинный кошачий коготь воткнулся ему в ногу прямо через ткань переноски и плотные джинсы. — Все именно так! — на всякий случай подтвердил он еще раз и закивал. Только после этого коготь выткнулся из ноги. В переноски очень по-кошачьи заворчала Катерина Ивановна.

— Мрмя-рмя-рмя.

— Кошечка у тебя нервненькая, — вставила Дарина, недовольная тем, что потеряла внимание мужчины.

Кошечка взмуркнула громче.

— Это очень хорошая традиция, — сказала Атлан, — я думал, о ней уже и забыли. Уже лет пятьдесят, кажется, — припомнил он, — никто не удостаивался чести войти в книгу памяти Министерства. Большая честь для нашей семьи. Дядюшка Шаба, — с теплотой пробормотал он, — был бы тронут таким вниманием. Феликс, — он достал из кармана пиджака визитку, — возьмите.

Феликс послушно принял у него маленький кусочек черного картона.

— Звоните, — Атлан указал пальцем на уголок визитки, — по второму номеру, это мой личный. Первый — рабочий, по нему меня больше нет.

Феликс посмотрел на совершенно черный картон. Ни первого, ни второго номера он на визитке не увидел. Как и какой-либо другой информации.

Атлан совершенно точно принял его за колдуна, введенный в заблуждение министерской печатью. Дарина, знавшая правду, усмехнулась и ничего не сказала. Отвернулась в окошко, впервые подарив своим соседям более чем минутный отдых от своих рассказов.

— Обязательно, — пообещал Феликс.

— Как устроитесь, жду вас, — Атлан проводил взглядом визитку, скрывшуюся в кармане Феликсовой куртки, — Шаба не очень общительный. Но он — весьма уважаемый человек. Был. - грустно добавил он, — мне есть, что о нем рассказать.

— Да? — сказал Феликс, не очень понимая, о чем вообще идет речь.

— Да, в детстве я проводил у него все лето, — поделился Атлан.

Дарина, казалось, увлеченная видом пушистых белых облачных полей, медленно развернула голову. Феликс встретился с ней взглядом. По спине пробежали мурашки — в глубине широко раскрытых глаз ведьмы вспыхивали и гасли голубоватые искры.

Феликс, должно быть, поменялся в лице, потому как Атлан тут же обернулся к девушке. Та будто ждала!

— Атлан, — промурлыкала она тоном, до которого фальшивой кошке в переноске еще было расти и расти, — а вы случайно не знаете, кто станет новым хранителем сокровищницы? Ох, то есть, Артефактории, — она взяла его за руку и

заглянула в глаза, — Атлан, вы не поверите!

Не поверить Атлану ближайший час пришлось во многое.

Например, в то, что Дарина просто обожает работать с артефактами.

— О, да! Это был мой любимый предмет в Штормах!

Настала очередь Феликса отворачиваться и прятать улыбку. Еще утром ведьмочка с жаром убеждала Зинаиду в том, что любимым был совершенно другой университетский предмет, а сейчас выходило, что она все годы только и занималась, как артефакторикой.

— Мне доверяли проводить инвентаризацию! — сказала она с таким видом, будто это было что-то невероятное, — профессор одной мне позволял стирать пыль с... тут она произнесла что-то невообразимое на латыни.

Феликс таких слов не знал, в отличие от Атлана. Мужчина искренне удивился.

— О, нашла! — девушка, донельзя довольная тем, что все внимание мужчины снова у нее, быстро листала фотографии в телефоне, — вот я выкладываю, вы не поверите, глубоководный янтарь для учебной демонстрации.

Фотографий нашлось много. Феликс начал подозревать, что эта пронырливая девица на любой повод умеет подборку фотографий, документов и рекомендаций от преподавателей.

— Знаете, Атлан, после диплома профессор выделил меня из всей группы. А еще, — зашептала она, — вы только ни-

кому не говорите, но у него глаза были подозрительно влажные. Я знаю, мужчины скрывают свои чувства. Но мне кажется, — зашептала она еще тише, но все же так, чтобы было слышно Феликсу, — он плакал от сожаления о моем уходе.

Феликс сдержался, чтобы не выругаться. Кошка снова умудрилась цапнуть его сквозь сетчатый край сумки и сквозь штанину.

Радовало Феликса, что лететь до Калининграда каких-то два с половиной часа.

После которых они с Дариной, наконец, расстанутся.

Вероятно, он тоже будет плакать. От радости. Совершенно искренне и без всякого сожаления.

Во время полёта переноску с Катериной пришлось поставить на пол, под ноги.

Секретный агент, наконец, вошла в роль и начала вести себя как образцовая кошечка: взвыла на взлете, очень натурально мяукала на стюардессу и драла сетчатую стенку переноски, пока не проковыряла в ней здоровенную дыру, через которую просунула когтистую белую лапку на радость «любящего владельца» и пассажиров по соседству.

— Какая славная кошечка, — не переставали умилятся дамы вокруг, когда Катерина Ивановна прижималась розовым носиком к сетке.

В ответ она неизменно сверкала изумрудными глазами и с ворчанием пряталась в глубине. Феликс немножко нервно улыбался. Его радовало, что желающих погладить раздра-

женную кошку так и не нашлось. Он был уверен — сунь ей руки, они бы пострадали физически, их обладатель — морально.

Вряд ли министерский агент стерпела бы такое обращение. Ругани и рассекречивания в этом случае избежать бы не удалось.

— Раньше было принято всякой ведьме иметь свою кошку, — перегнувшись через задремавшего Атлана прошептала Дарина, — Это магически очень сильные животные. Зачем ты её потащил с собой? — девушка легонько пнула изогнутый бок кошачьей сумки, — видно же, кошка не простая. Отдай её мне? Ай!

Магически сильное животное извернулось и полоснуло ведьму по ноге. Феликс почувствовал к агенту прилив благодарности.

— Ка... — он чуть не назвал агента по имени, но вовремя осекся, — Капелька у меня однолюбка, — он пожал плечами, — ни с кем не уживается. Думаешь, зачем я её с собой потащил? В кошачьи гостиницы её с таким характером не берут. Друзья, — он поперхнулся, представив, как Катерина Ивановна берет в оборот доброго и покладистого Пашку, — друзья боятся у себя оставлять. Так что, — добавил он, — не советую иметь с ней никаких дел.

Катерине Ивановне новое имя понравилось также сильно, как и вся история, закрутившаяся в московском аэропорту. Самолет вздрогнул от скрипящего мява.

— Да уж, — прошипела Дарина, — я поняла! Такую кошку оставь себе, человек!

Она очень по-кошачьи фыркнула и попробовала «случайно» разбудить Атлана. Мужчина то ли крепко спал, то ли очень хорошо притворялся, так что ведьмочка отвернулась к окошку и просидела так до самого приземления.

В аэропорту игнорировать девушку колдуну было сложнее. Он попрощался с Феликсом, еще раз пообещал ему рассказать все известное об уважаемом дядюшке Шабе и скрылся, унесенный цепкой Дариной в сторону багажной ленты.

У Феликса из багажа был небольшой рюкзачок, сумка от Зинаиды с неизвестным пока содержимым и потерявшая товарный вид переноска с подвывающей Капелькой-Катериной, которая между мявами явственно вставляла фразочки вроде «осторожнее, болван» и «не дрова несёшь, деревенщина».

— Это вам показалось, — пробормотал он обернувшейся семейной паре у самого выхода из аэропорта.

На улице он сразу попал на парковку, заставленную машинами и вежливыми калининградскими таксистами, здорово отличающимися от столичных коллег не только манерами, но и безупречным владением русским языком: издали завидев клиента, начали махать руками, зазывать ехать в город и даже по умеренной цене.

Но стажер пока не спешил.

— Выпускай уже! — шипела из переноски пушистый сек-

ретный агент.

Феликс расстегнул сумку, готовый в любой момент отдернуть руку.

На мокрый калининградский асфальт вылетела растрепанная кошечка, тут же зябко поджала белую лапку с нежно-розовыми пальчиками-подушечками, пискнула и с той же скоростью вернулась в теплую и сухую переноску.

— Феликс, подвезти вас?

Рядом оказался Атлан. По прилету он безуспешно пытался дозвониться жене и сейчас тоже отошел, чтобы сделать звонок.

За его спиной Феликс заметил мордастый черный джип с хромированной рамой по переднему краю и загорелым водителем, ужасно похожим на известного боксера и габаритами, и чудовищно обезображенным лицом — нос его был не единожды сломан и срастался каждый раз все причудливее и причудливее.

Водитель уже закинул оба кожаных чемоданчика в багажник и ожидал «шефа», сложив свои огромные руки на груди.

Кошка пискнула в сумке, высунула лапку и потянула на себя край переноски.

— Знаете, я, пожалуй, попозже поеду, — Феликс с сожалением отказался от предложения, несколько раз извинился перед магом и постарался подальше оттащить свои вещи, — дела, понимаете, — старался смягчить свой отказ стажер.

Замена Феликсу нашлась почти мгновенно. Из аэропорта,

чуть не врезавшись в медленно ползущие в стороны автоматические двери, выбежала Дарина, от которой Атлану удалось оторваться у ленты багажа не иначе как чудом.

Растрепанная ведьмочка бешено вертела головой, пока не заметила джип.

— Атлан! — быстро, но уже изящно, она рванула в сторону мага. — Ах, вы не подвезете меня?

Не дожидаясь положительного ответа Дарина с разбегу плюхнулась на широкое кожаное сиденье рядом с магом и живо захлопнула дверь.

Феликс присел на лавочку с облегчением.

Джип уехал. Катерина Ивановна высунулась из переноски, распугав своим грозным видом и густой шерстью парочку таксистов, уже направившихся к Феликсу.

— Чего расселся, болван? — кошка выбралась из переноски и села рядом, нахохлившись и поджав лапки.

— А что делать? — растеряно спросил Феликс.

— Ехать за машиной, — фыркнула Катерина.

— За джипом?

Атлан с Дариной уже уехали. Феликс сомневался, что они смогут их догнать. Более того, ему этого совсем не хотелось.

— За нашей машиной, балбес, — вздохнула кошка, — возьмем в министерском гараже, — объяснила она, — или ты хотел разъезжать по всей области на автобусе?

— А нам дадут? — об автобусе Феликс, конечно же, не думал. Как и о том, что они будут где-то разъезжать. Но вида

не подал.

— Конечно дадут! — кошка повернула к нему белую пушистую голову, потешно её наклонила и приказала, — сейчас же иди, возьми такси и поехали!

Она назвала адрес и вернулась обратно, в родную уже переноску. Начался мелкий калининградский дождик, который ей совершенно не понравился, как, впрочем, и всё в этот злополучный день.

***

Таксист нашелся не сразу. Он то и дело хитро поглядывал в сторону аэропортных дверей; не теряя, видимо, надежды на более денежного и менее проблемного клиента.

Увы, все возможные клиенты разъехались, до ближайшего рейса из Москвы было еще пара часов. Водителю пришлось довольствоваться нервным парнем с подвывающей сумкой.

Собственно, за эту сумку и её содержимое он и слупил со столичного гостя двойную плату:

— За провоз животного, за шерсть, за химчистку, за…

— Да, понял я, понял, — парень, вовсе не казавшийся дурачком, уже нырнул в машину, — поехали.

Кошка почти сразу замолкла и всю дорогу не подавала признаков жизни. Только иногда водителю казалось, будто он слышит злобный женский шепоток.

— Болван, — послышалось ему и потом снова, — болван, нормально к окошку поверни.

Таксист обернулся пару раз, неизменно натыкаясь на извиняющуюся улыбку пассажира.

— Моя тоже иногда звонит, — сочувствующе начал он и, не дожидаясь ответа, поделился, — как начнет пилить! А трубку положить нельзя — казнь! Домой вернусь — сожрет. Ну я тоже, — он кивнул понимающе, — приноровился, кидаю на сиденье или в карман. Тут, главное, момент не профукать, когда надо угукнуть или на вопрос ответить, то потом труба-а-а-а. Ты, если что, не стесняйся, можешь доставать телефон-то, удобней будет отвечать. А то что-то твоя мегера примолкла, не сбросился звонок, случаем?

Феликс посмотрел на сверкающую изумрудами глаз мегеру, вздохнул и подтвердил, что да, звонок сбросился и больше оскорбительного бубнежа не будет.

— Не перезвонишь? — удивился таксист.

— Нет, — ответил Феликс, поглядывая на Катерину Ивановну.

Кошка вздернула носик кверху и развернулась в переноске, заполнив сетчатую стенку пушистым боком и пышным хвостом.

— Уважаю, — уважительно ответил таксист.

Своей «мегере» он бы тут же перезвонил. А этот парнишка, гляди-ка, смелый. Хоть и странный. Эта кошка его...

— Давно вместе-то? — ехать было еще с полчаса, включать радио не хотелось. Да и отчего бы не поболтать с «собратом по мегере»?

Пассажир посмотрел на пеструю кошачью сумку с притихшим зверем, устало откинулся на сиденье и сказал:

— Знаете, кажется, уже целую вечность!

— Вот-вот. Мы с моей ещё со школы, — водитель ответил с неожиданной теплотой, — вроде и собачимся с первого дня, а друг без друга — никак.

Пассажир промолчал, таксист увидел, как тот прикрыл глаза. Умаялся, видно, после перелета, спешит в гостиницу, отдохнуть.

Адрес был знакомый — гостиница «Калининград» в самом центре. Москвичи обыкновенно в ней и селятся по приезду.

Не понятно, только, почему в нее? Туда с животными не пускают.

«Может, высадить и подождать? — размышлял таксист, — выпрут, отвезу в другую, куда со зверьем можно, подзаработаю.»

— Отдыхать к нам или, — таксист свернул на шоссе до города, — по работе?

Феликс посмотрел на пушистую шерстку, разбитую сеткой переноски на аккуратные ромбики. Бока кошки мерно поднимались — Катерина Ивановна, утомленная полетом, заснула.

— По работе, — тихонько ответил Феликс, будить кошку не хотелось, — на недельку и потом обратно.

Водитель кивнул.

— Да уж, — крякнул он, — моя бы тоже извелась, если б я на новогодние каникулы умотал! Хотя, — добавил он мечтательно, — было бы неплохо рвануть без нее в командировку! Бабы, они такие, им бы только поорать.

— Это да, — вздохнул Феликс, тоже бывший не прочь рвануть в одиночную командировку, и добавил шепотом, — мне, вот, не повезло.

Судя по тому, что бока Катерины не дрогнули, она действительно заснула и этого разговора не слышала.

Феликсу стало её жалко: еще с утра собиралась лететь с мужем на похороны родственника. Судя по всему, не ближнего. Но все равно — похороны. Мероприятие суетное и не веселое. А тут раз — превратили в кошку, дали в напарники... человека!

Феликс работал в Министерстве с конца лета и уже знал, насколько он для колдунов бесполезен. Магии в нем ни капельки, ни песчинки, «ни единой искорки» — с сожалением говорила Зинаида.

Колдовскую печать ему ставила начальница, рабочие артефакты активировала тоже она.

Как-то в библиотеке Министерства у него перед носом, сама собой, захлопнулась зачарованная дверь; пришлось ждать четыре часа, пока в читальный зал не заглянула ведьмочка из финансового — поменять прочитанный любовный романчик на свеженькую историю из серии «Замечательные Магтективы». Она его, конечно, выпустила. Но авторитета ново-

му сотруднику тот случай не прибавил.

Не удивительно, что Катерина была на взводе. Ей бы поспать, поесть, поточить коготки. Или как там кошки снимают стресс?

Погруженный в эти пространные размышления Феликс отвечал таксисту невпопад. Тот скоро потерял к пассажиру интерес и включил музыку.

Вдоль пустой трассы мелькнули лишенные снега поля, чёрные на фоне мутного январского неба деревья, пошли дома: старые немецкие — на окраинах, девятиэтажные панельные, трех и пятиэтажные хрущевки — ближе к центру.

Древний город, разросшийся вокруг замка в излучине неширокой, но вполне судоходной и полноводной Преголи, питаемой множеством речушек и ручейков, город отстроенный добротно и основательно, масштабно и с размахом, так давно, что историки, для простоты, везде пишут, что ему, дескать, лет с восемьсот… этот город Феликс не увидел.

Его встретил совершенно обыкновенный провинциальный городок — в меру зеленый, в меру серый, в меру тленный. Возможно, чуть более чистенький и светлый, чуть более радостный, после мрачных московских улиц под затянутым смогом небом.

Феликс, забывший, казалось, за пару холодных месяцев, как выглядит свежая трава и доброе, хоть и бледное, солнышко, смотрел на трижды сменившуюся за окном погоду с некоторым облегчением и смутным ощущением радости —

свет и цвет в этом городе были гораздо приятнее, чем в столице.

— Приехали, — сказал водитель, въезжая на парковку, — гостиница «Калининград».

Пассажир перевел обещанную сумму переводом — наличных у него с собой не оказалось.

— Интересная модель, — отметил водитель оригинальный дизайн телефона, — никогда такого не видел.

Пассажир буркнул что-то про эксклюзивную модель и поспешил убраться.

Таксист остался на парковке — до следующего московского рейса времени было предостаточно, можно и подождать хлебного клиента.

Тот отошел от машины метров на двадцать, открыл переноску. На гранитный бортик выпрыгнула беленькая пушистая кошечка, взлохмаченная и недовольная.

Другая дала бы деру, но эта села, осмотрелась, приподняла угрожающе верхнюю губу и задергала кончиком хвостика.

Парень склонился перед зверьком, почти прижимая свое лицо к её недовольной мордочке. Казалось, та вот-вот набросится. Белые кошки — самые бешеные! Как что взбредет в голову — дадут фору всем этим породистым мейнкунам, даром что здоровущие, как собаки.

Кошка прижала уши, отчего стала похожа на белую змеюку. Повернула в сторону таксиста голову. Только сейчас он увидел, что кошечка очень, очень красивая: беленькая, ушки

большие, розовеющие на кончиках, носик такой трогательный, а глаза — зеленющие, яркие. Будто светятся изнутри, как два цветных фонарика.

Кошка моргнула, зеленый свет из её глаз, кажется, усилился. Таксиста пробрало, как от сквознячка. Показалось, будто она смотрит прямо ему в глаза. И не случайно — специально!

Вслед за кошкой, повернул голову бывший пассажир. Медленно, не спеша.

Посмотрел, нахмурился, приподнял вопросительно брови. Отчего-то таксисту стало неуютно — будто парень застал его за подглядыванием, будто в глазах у него было какое-то осуждение. Мужчина сделал вид, что копается в телефоне, и через минуту уже отъехал от странной парочки. Ну их, этих кошатников. Из «Калининграда» парня попрут, конечно. Но ничего, тут уж пусть сам. С женой-мегерой разобрался, и с жильем разберется.

А он, пожалуй, поедет в аэропорт, подождет следующий столичный рейс. Местные по городу если и ездят — за копейки, какой с них доход? На москвичах одних только и можно заработать!

Глава 5. Мужская посадка на метле

Феликс рассчитался с водителем и выбрался из такси. По названному Катериной Ивановной адресу находилось многоэтажное здание советской постройки, типовая гостиница, какую можно встретить в любом областном городе.

На крыльце щебетала небольшая стайка туристов, в ресторанчике на первом этаже уютно горели лампы цветного стекла, выставленные на широкие подоконники, за столиками сидели гости с довольными и сытыми лицами.

Перед гостиницей был устроен небольшой зеленый островок, засаженный фигурно выстриженными туями и можжевельниками.

Феликс, последние месяцы поднаторевший в растениях, хотел рассмотреть их поближе, но из переноски на него заворчала госпожа агент.

Министерский стажер правильно оценил ситуацию и поставил переноску на ближайший гранитный бортик, под пушистую маленькую елочку, бывшую, судя по характерным изгибам ствола и длине игл, горной елью.

Катерина Ивановна вылезла из переноски, пошатнулась на пушистых лапках, повела раскрасневшимися ушками и фыркнула.

— Балбес, чего уставился?

Феликс, наклонившийся к самой кошачьей морде, отпря-

нул.

— Что, простите?

— Да не ты, — кошка посмотрела вбок, — он.

Феликс перевел взгляд в нужную сторону, но никого не увидел. У тротуара были припаркованы несколько автомобилей, здоровенный туристический с табличкой «ЗАКАЗНОЙ» и машина привезшего их таксиста.

Таксист мельком глянул на него и уткнулся в телефон. Потыкал чего-то и почти сразу выехал с парковки, очевидно, по новому заказу.

Кошка пару раз дернула кончиком хвостика, сверкнула зелеными глазищами и помотала головой, будто выискивая, к чему еще придраться.

То ли придраться оказалось не к чему, то ли настроение у Катерины сменилось с задиристого на меланхоличное, но она отчего-то молча смотрела в глаза Феликса, который специально придвинулся поближе — чтобы лучше разобрать её тихие (он очень на этой надеялся) дальнейшие указания. Может, не будет кричать?

Феликс, разглядывая её при дневном свете, впервые отметил необыкновенное свойство катерининых глаз. В здании аэропорта, в туалете, в самолете ему казалось совершенно логичным, что её глазищи так сверкают. Ничего необычного — глаза у кошек отражают свет и при недостатке освещения выглядят фонарями. Но при свете солнца глаза у кошек обыкновенные, тусклые.

Опушенный белой шерсткой изумрудные глаза Катерины Ивановны отражали солнечный свет, как самые настоящие изумруды, сверкали и, судя по яркости свечения, подсвечивались изнутри!

«Да, с маскировкой могут быть проблемы», — подумал Феликс. Кошка продолжала подозрительно молчать, сиять на всю улицу глазами (хорошо, что за кустами их не видно!) и нервно подергивать кончиком хвостика.

— Что дальше? — наконец, спросил стажер.

Катерина Ивановна моргнула своими изумрудами, подалась вперед, почти уткнувшись своим влажным розовым носиком ему в лицо.

— Тебе, — шепнула она и дальше показала, что всегда найдет, к чему придраться, — хорошо бы почистить зубы. Но это потом. Сейчас мы пойдем на дело.

Феликс чуть отодвинулся от замаскированного агента и уточнил:

— Секретное?

Поучаствовать в распутывании загадочного преступления в таких интересных обстоятельствах, ему, как журналисту, было интересно. Большая удача: секретный агент Министерства Магии и он, журналист, в роли её прикрытия.

Он уже мысленно начал набрасывать план будущей статьи о загадочном расследовании (которое ему, конечно же, не разрешат опубликовать; но кто запретит написать об этом для собственного удовольствия?), как Катерина Ивановна

приземлила его в реальность:

— Невероятно секретное, — подтвердила она и, наконец, оторвала взгляд от его лица, — мы идем воровать мой чемодан, балбес!

Оказалось, что, говоря «мы», кошка подразумевала в основном его, Феликса. Она обрисовала простой и изящный план, в котором ему отводились важнейшие роли: швейцара, носильщика и, конечно же, вора.

План был продуман до мелочей, будто Катерина долго готовилась (когда?!) либо обладала солидным опытом гостиничных краж.

— А вы точно агент? — уточнил Феликс.

Безусловно, агенты секретной службы Министерства Магии проходят серьёзную подготовку. Но кто бы мог подумать, что в неё входят теория и практика организации преступлений? Впрочем, никто не знает, чему их там учат — служба-то секретная.

— А ты точно точно человек? — уточнила кошка и безжалостно добавила. — А то смотрю, мозгов, как у цыпленка. Живо в кусты!

Про цыпленка было обидно, но Катерина Ивановна так мило сверкала своими зелеными фонарями, что Феликс простил ей резкие слова.

Первый шаг озвученного Катериной плана ему не нравился — нужно было спрятаться. И подходящего укрытия, кроме декоративного садика, вокруг не наблюдалось. (Впрочем,

последующие шаги также не вызывали восторга, но куда деваться?)

Со стороны дороги послышался шум — кажется, кто-то приехал в гостиницу. Стоило поторопиться, пока никто не увидел странную парочку: человек и кошка ведут неспешную беседу. В целом, не самое подозрительное зрелище в нашем почти толерантном обществе, но Зинаида просила быть осторожными.

— Надо так надо, — Феликс подхватил брошенный на асфальт рюкзак, — пойдемте прятаться, госпожа агент.

Госпожа агент вздернула розовый носик и первой отправилась в пушистые кустики.

Плотно переплетенные веточки не были преградой для крошечной кошки, но Феликсу пришлось изображать неспешную прогулку, чтобы обойти их по выложенной камешками садовой дорожке.

Кошечка встретила его крайне недовольным выражением мордочки. Старательно игнорирую «напарницу» он присел рядом с ней — на траву, надеясь, что выглядит достаточно респектабельно, чтобы его отсюда не попёрли.

Это в Москве топ-менеджер крупной компании может присесть на газон прямо в костюме стоимостью с годовой бюджет обычной российской семьи, достать имбирный латэ и переписываться в рабочем чатике с коллегами.

В любом другом городе страны его примут или за пьяного, или за бездомного. Хотя давно ли вы видели трезвого без-

домного?

— Теперь ждём, — фыркнула госпожа агент.

Сидя в кустах рядом с нахохлившейся Катериной, Феликс размышлял, над вариантами развития событий.

«Сумки с собой, — прикинул он, — еще и с кошкой, хотя бездомные обычно с собаками попрошайничают. Не вызвали бы полицию...»

Радовало, что кустики прикрывают его не только с дороги, но и со стороны гостиницы — с ресепшена не увидят. Объяснять с сотрудниками гостиницы, охранникам и блюстителям порядка, что он тут не бродяжничает, а отдыхает, не хотелось.

Особенно не хотелось после всего этого выслушивать издевки министерского агента. О, Феликс был уверен, такой возможности отвести душу Катерина Ивановна не упустит!

Он посмотрел кошку. Сверху она смотрелась совсем крошечной — подобрав под себя лапки и пушистый хвостик, она казалась чуть длиннее феликсовой стопы в кроссовке.

Шерстка по бокам немного подмокла еще в аэропорту, пока ехали — высохла и посерела на лапках. К спинке прилипли еловые иголочки и пара травинок. Феликс потянулся было убрать, но вовремя одумался и убрал руки.

«Не будем рисковать, — решил он, — нужно будет, сама причешется. Наверное».

Было неясно, передаются ли животные инстинкты после превращения в животное. Впрочем, даже если нет — агент

быстро осваивалась в новом теле — когти почти сразу научилась выпускать.

Катерина Ивановна не замечала, что за ней наблюдают — она сама «вела наблюдение». Прошло с десяток минут в засаде и Феликс успел уже заскучать, как пушистая агентша задергала хвостиком, поджала ушки, сорвалась с места и скрылась в зарослях ползущей по земле дальневосточной сосны.

— А вот, — шепнули заросли, — и он.

Феликс и сам увидел над кустами знакомую голову. Он пригнулся пониже, чтобы Атлан его не заметил.

Мужчина успел переодеться — костюм и теплое пальто, уместные по московской зиме, он сменил на джинсы и легкую куртку, больше подходящие зиме калининградской.

Из своего укрытия Феликсу почти ничего не было видно. Заметил только, что лицо у мага немного печальное, смотрит будто в пустоту.

Атлан прошел мимо и скрылся за углом.

— Все, я пошла, — шепнула Катерина и выскочила на тротуар.

Кошечка под кустиком изволила прилечь — с животика и с пушистых бочков на тротуар обильно посыпались бурые еловые иголки. Увы, часть иголок запуталась в густой шерсти агентши, придавая ей вид лихой, ежистый и полубездомный. Для полноты картины не хватало пары лишайных проплешин и порванного в уличной драке уха.

«Не хотел бы я в такой драке участвовать», —по всему

выглядело, что последнее — вопрос времени. Сомнения вызывало ухо. Вряд ли оно будет порвано у Катерины.

Феликс вздохнул и поднялся, высовываясь из хвойных зарослей. Он рад был побыть один, но маскирующий артефакт сам собой за секретным агентом по воздуху не полетит. А если и полетит — то лучше демаскировки и не придумать!

Немного неловко, чуть кособочась и путаясь в четырех лапах, кошка добежала до крыльца, обернулась на Феликса — подождала, пока он подойдет поближе — на всякий случай. О том, на какое расстояние она может отдаляться от артефакта-преобразователя в животное, было непонятно. Артефакт, лежащий у стажера в кармане, приблизился и она шмыгнула под ноги заохавшим от умиления туристам.

— Кошечка! — засюсюкали близстоящие дамы пенсионного возраста и такого интеллигентного вида, какой имеют почетные преподавательницы столичных вузов, искусствоведы и смотрительницы музеев; дамы прервали обсуждение предстоящей экскурсии и распахнули перед кошечкой стеклянную дверь. — Проходи, проходи красавица.

Так Катерина Ивановна попала в гостиничный холл без всякой помощи своего помощника. Феликс остался снаружи — прибился сзади к кошколюбивым дамам с видом, будто тоже ждет экскурсию.

— Бедненькая, — жалели они Катерину, всё еще путавшуюся в возросшем после превращения числе конечностей,— как только лапки переставляет? Тяжело ей.

— Видно под машину попала, переломало лапочки. И как выжила только?

— Как, как? У кошек девять жизней! Моя с пятого этажа каждый год за голубями сигала, а ничего. Приходила домой, да еще с добычей!

Дамы посмеялись, каждая повспоминала свою питомицу. Феликс присмотрелся — пенсионерок оказалось трое, они держались вместе и чуть обособленно от остальной группы туристов — явно давно знакомы и приехали вместе.

— Эх, как пьяненькая она, — продолжила одна из них, — смотри как к стойке идет, едва-едва.

Объект всеобщей жалости, тем временем, скрылся за стойкой ресепшена. Девушки за стойкой пушистой посетительницы не заметили, занятые оформлением тургруппы. Чемоданы, сумки и дети заполонили гостиничный холл и заняли работой на ближайшие полчаса, кажется, всех гостиничных администраторов.

— Глупости это все, — встала на защиту Катерины Ивановны вторая дама, — кошки не пьют! — и тут же переключилась. — В какая она красавица. Ну и что, что увечная, я бы ее взяла. За ней тут плохо ухаживают, бока свалялись, вся грязная. Кормят-то хорошо, но за такой красотой нужен глаз да глаз: мыть и чесать, да почаще!

«О, я бы посмотрел», — тоскливо подумал Феликс.

День выдался насыщенный на события, он уже начал чувствовать легкую усталость и не смог до конца понять — жаль

ему или нет этих дам, планирующих мыть и чесать Катерину.

Дамы же, взволнованные идеей спасения кошачьей красоты, начали активно обсуждать план переезда секретного агента Министерства Магии из враждебного Калининграда в Петербург.

Не прошло и пяти минут, как к трем дамам присоединился сотрудник авиакомпании. На его счастье — по телефону. Дамы наперебой начали объяснять ему подробности перевозки спасаемого животного.

— Переноску купим, — кричала в трубку одна, — так, хорошо, — толкнула она подругу, — записывай размеры, высота двадцать пять сантиметров, ширина...

— Сколько?! — перебила её подруга, — Эй, мы не хомячка везем, это что за издевательство над животным! Это же... Да вот, у молодого человека такая переноска! Молодой человек, у вас двадцать пять сантиметров?

Дамы разом повернулись к стажеру, хищно впившись взглядами в потрепанную пестренькую кошачью сумку у него на плече.

— Э, — растерялся он, — я вам так сразу не скажу...

Дамы бесцеремонно оттащили Феликса в сторону и начали выяснять, двадцать пять у него сантиметров или сколько.

Феликс, конечно, знал, что опытные женщины всегда берут в поездку швейный дорожный набор, но никогда не видел, чтобы его доставали. И даже не подозревал, что в него входит сантиметровая лента!

— Двадцать пять! — торжественно объявила измерительница.

— Это ужас что! — продолжала возмущаться возмущающаяся дама. — Ну какая кошка согласится ехать в этой, в этой... — она не нашла приличного слова и просто трясла рукой, указывая на презрительно маленькие размеры сумки, всё еще болтающейся у Феликса на плече. — Ужасно, ужасно, — повторяла она, — дай-ка мне трубку, я скажу им, что нельзя так издеваться над зверьём!

— А вы котеночка везли или пёсика? — поинтересовалась третья дама у Феликса, пока первые две занимались перетягиванием телефона.

"Заколдованную ведьму!" — чуть было не ляпнул он.

— О, а вон и мой знакомый! — уходя от начинающейся беседы, Феликс обернулся в поисках Катерины или хоть кого-то, кто придет ему на помощь, но гостиничный холл был полон все теми же туристами, чемоданами и детьми, он помахал в сторону толпы пока ещё не заселенных, делая вид, что загадочный знакомый где-то там, внутри, — ну все, мне пора!

Проигравшая в битве за телефон услышала «пёсик» и ворвалась в светскую беседу, оттесняя Феликса от двери.

— И как ваш песик в этой переноске летел? — поинтересовалась обеспокоенная за жизнь еще одного животного пенсионерка.

— Да ну, — одна из дам, та, что наседала на авиакомпа-

нию, оторвалась и вклинилась в разговор, — он у него, наверное, совсем маленький, чихуа-хуа или йорк.

— Летел плохо, — признался Феликс и, пользуясь моментом, протиснулся мимо общительных дам. — Не понравилось.

О том, кому полет не понравился больше — ему или Катерине, Феликс ещё не думал. Впрочем, стюардессе и пассажирам на соседних креслах тоже досталось. Кому когтистой лапкой по ногам, кому скорбным воем по ушам.

— Вот! — провозгласила дама с телефоном, потрясая им, будто самым главное доказательством собственной правоты. — Я говорила? Я говорила! Да как можно, как... у ты моя сладкая, у ты моя красавица изумрудноглазая! Вернулась!

Тон говорившей сменился с ликующего на восторженно воркующий. Феликс посмотрел под ноги и встретился взглядом с «изумрудноглазой красавицей».

Красавица смотрела чуть удивленно и весьма изумрудно. Половину иголок и другого елочного мусора она растеряла в процессе своей «операции», но чище не стала. Белая шерсть заметно посерела, будто кошка мазнула боком по пыльной машине. Где Катерина Ивановна успела найти грязь в отдраенном до зеркального блеска гостиничном холле — осталось загадкой.

Возможно, в ход пошла уникальная кошачья магия, позволяющая любому представителю этого вида мгновенно отыскать пыльный угол в любом помещении: от чулана под

лестницей до операционной.

В пасти кошечка держала пластиковый прямоугольник с надписью «ГОСТИНИЦА КАЛИНИНГРАД» и цветной фотографией этой самой гостиницы. Видимо, чтобы подгулявшие гости точно знали, куда возвращаться, даже если не помнят адреса.

На вкус Феликса, Катерина Ивановна вид имела отменно воровской. О его вкусе и мнении, конечно, никто, как всегда, не спросил.

— Ты моя сладенькая, иди к мамочке! — пенсионерки мигом обступили кошку, приманивая её угрожающе ласковыми лицами и заманчивыми перспективами.

Катерина Ивановна замерла в дверях.

Каких только кошачьих радостей ни сулила ей «её» пенсионерка. Помимо проживания в отдельной благоустроенной квартире в самом центре культурной столицы: и вычесывать каждый день, и игрушки покупать, и корм — какой пожелает.

Агент поджала лапку и сделала полшага назад, очень по-кошачьи приседая на пушистый грязно-белый зад.

Дамы, поняв, что корм не пришелся красотке по душе, тут же сменили тактику и начали обещать ей все виды мяса по очереди.

— Буду тебе курочку покупать, грудку! — Катерина Ивановна прижала ушки (беленькое и пыльненькое) и вопросительно скосила глаза в сторону, на Феликса. Дамы охнули

от восхищения. Феликс, глядя на удивленную мордочку, готов был их понять. Удивленная и чуть растерянная Катерина Ивановна была чудо как хороша.

Условия проживания улучшались с каждой секундой. Не успел Феликс прийти в себя от обещаний кормления грудкой, как кошке уже сулили ежедневные порции свежей вырезки, фермерское молочко и сметанку из деревни.

Впору было сказать «Мяу» и проситься на половину обещанного Катерине.

Катерина Ивановна склонила голову вбок. Жест был воспринят как благосклонный.

— Что стоите, хватайте её, — скомандовала одна из дам, затертая чуть назад, — и в ветеринарку! Надо паспорт и прививку успеть сделать, а то в самолет не пустют!

Глаза Катерины, и без того большие и зеленые, широко открылись и опасно заблестели.

Это был один из тех моментов, в которые Феликс особенно скучал по отсутствующей у него способности управлять невидимыми скоплениями энергии. Он, вслед за колдунами, называл её магией. Хотя у этого явления было множество научных (и не очень) названий, классификаций и направлений.

Именно сейчас Феликс особенно желал открыть в себе умение левитировать: самостоятельно или с помощью подручных средств. В зависимости от недавно изученной им методички подручные средства могли быть магически заряженными артефактами или бутафорией. В случае использова-

ния магически заряженного летательного средства летающему можно было и не иметь магических способностей. Достаточно было знать инструкцию по управлению лет. средством.

В случае использования бутафории, полет обеспечивался за счет расхода сил, аккумулируемых самим магом. А предмет, выдаваемый за артефакт, не имел собственного заряда и был для полета обыкновенного человека бесполезен.

Попросту говоря, на летающем артефакте летать мог кто угодно, даже Феликс, во втором случае маг должен уметь летать сам, а что держать в руке или между ног зажать — это уже на его выбор: хоть мопед без колёс, хоть резиновую уточку.

Второй вариант Феликсу не подходил, так как был попросту невозможен. Впрочем, вариант с артефактом тоже отпадал за неимением оного.

«Сейчас бы метлу», — с тоской подумал он.

Вспомнилось, как осенью они ходили в Битцевский парк с Зинаидой и Жоржем, его коллегой по Министерству. В той его части, изрядно заросшей, облюбованной собачниками и известными на всю страну маньяками, четырежды в год проходили традиционные гонки на мётлах.

Самих гонок Феликс видеть не мог — они были прикрыты мороками. Но видел, как готовились к старту участницы.

Жорж, обещавший быть рядом, встретил пару знакомых магов, с которыми учился в Университете Штормов. Мгновение и все трое растворились в толпе без единой капли вол-

шебства — московский магический люд и нелюд был в богатом ассортименте: сновали тут и сям, болтали, обнимались, приветствовали друг друга и перемещались так скоро, что моргнешь — и лица перед тобой уже сменились.

Спокойно стояли только участницы гонок — ведьмы.

Все с длинными, напоказ, волосами, переплетенными в тугие косы — знак большой силы и власти, доступный немногим.

Феликс уже знал: здесь, на гонках, могут быть только старшие сестры, — женщины, получившие силу семьи по праву старшинства. Младшим детям оставалось совсем немного магии — хватало зажечь свечи по вечерам, сварить простенький омолаживающий крем и видеть то, что не видно людям.

Мётлы, традиционно заряженные ведьмой, могут лететь и нести на себе даже не мага. Но заряда надолго не хватает — любой метле нужна подпитка.

Только старшие сестры издревле имели достаточно сил, чтобы подстегнуть свою метлу в долгом полете, влить в нее свою магию и не упасть на землю.

Когда-то гонка имела серьезное значение: мирным способом позволяла выявить главу ведьм, самую сильную, — Старшую из старших. В те времена гонка шла на измор — выбывающая падала вниз, часто — разбивалась насмерть, опустошенная, изнеможенная, неспособная смягчить удар. Побеждала та, что останется последней.

Со смертью старшей сестры семейная сила переходила к следующей по старшинству. Прибавлялась к тому, что уже у нее было. Каждый год в составе участниц бывали перестановки.

Чтобы избежать склок и обид, неизбежных в женском обществе, для поддержания равноправия и честности, титул подтверждали раз в год, на Ивана Купалу.

Раньше гонка позволяла новый сестрами показать себя и, возможно, возглавить Старших сестер.

Сами ведьмы для простоты звали Старшую из Старших сестер просто «та самая Старшая» или «Старшая Сестра», но с таким уважением в голосе, что сразу становилось ясно, о ком речь.

— Раньше? — спросил тогда Феликс.

— С концом Средневековья гонка стала бессмысленной, — сказала ему тогда Зинаида, — мы храним её как традицию, повод встретиться и повеселиться.

— Почему? Отменили за ненадобностью? — Феликс недавно прочитал, что полёты мётлах потеряли популярность с появлением сети пространственных дверей — артефактов более простых в использовании, удобных, быстрых. Но сами мётлы никто не отменял — многие все ещё пользовались ими для перемещения на короткие расстояния, на длинные же проще было открыть ближайшую дверь, чем часами (а то и днями) трястись по воздуху наперегонки с гусями и самолетами.

О том, почему упразднили титул Старшей из Старших в книге про мётлы ничего не было.

«Может, это в какой-то другой?»

Он уже понял, что за свою жизнь, вероятно, не сможет прочитать всех книг, положенных магам, живущим значительно дольше.

— Нет. Титул жив, но он у той, — она улыбнулась, — равных кому нет.

— Со Средневековья? — вокруг было шумно, Феликсу показалось, что он ему послышалось.

— Нет, но в её семье… — Зинаида заметила, что стажер почти кричит, провела тонким пальчиком с острым ноготком по его щеке, звуки гудящей толпы стихли, — в её семье вся огромная сила передается полностью и без остатка одной дочери. Соревноваться с ней бессмысленно и Старшая Сестра теперь всегда из этого клана.

Феликс хотел узнать побольше, но Зинаида приложила пальчик к губам, покрытым бархатистой алой помадой. Жест означал, что тема была закрыта и говорить о ней ни с ней, ни с кем-то еще Феликсу не стоит.

— Пойдем, познакомлю с сестрами, — предложила она, — может, даже устроят тебе учебную экскурсию.

Ведьмы с метлами, весело болтавшие и пересмеивающиеся, разом перестали улыбаться, завидев идущую к ним Зинаиду.

Но когда узнали, что она привела своего протеже и участ-

вовать в этом году не собирается, повеселели, даже дали Феликсу подержать метлу.

Хотя её владелица, ведьма Улиана с двумя толстыми пшеничными косами до пят, и прокомментировала, что «дело это не мужское, палки с ветками трогать».

Когда Зинаида рассказала, что Феликс пишет курсовую по Магическому растениеводству средней полосы и Старшая Сестра Улиана подобрела. Залезла на метлу — показала, как взлетать. Для этого нужно было немного магии, так что Феликсу ничего не было видно. Ведьма повисела немного в метре над землей и спустилась.

Предложила посидеть на зависшей у её колена метле, потом — полетать.

Сидеть было неудобно: ведьмы залезали на метлу сверху, зажимая её между ног. Никакого седла конструкция не предполагала и стажеру показали, как на метлах ездят мужчины.

Удивительно, но поза оказалась копией женской посадки в седле для верховой езды — ноги нужно было свесить на одну сторону, поджать посильнее, руками держаться за древко.

— Но ты держись за меня, — посоветовала ведьма, — все же первый раз.

Она села вперед, метла качнулась под двойным весом.

Феликс вопросительно посмотрел на Зинаиду. Он все еще колебался, уместно ли обнять на глазах у всех женщину, которой было, может быть, лет с двести. Хотя и выглядит чуть старше него. Но кто ж их разберет?

Метла мягко поплыла вверх. Стоило ногам оторваться от земли, как Феликс, державшийся за метлу, перекрутился на ней с свалился на землю.

Улиана тут же опустилась обратно. Никто вокруг не сдвинулся с места.

На лицах не было ни тени улыбки. Зинаида стояла, скрестив руки на груди, серьезная и спокойная. Ведьмы за её спиной смотрели с любопытством.

— Ну? — повторила Улиана, перекинув косы вперед. — Повторим?

— Конечно.

Второй раз Феликс действовал по инструкции: сел, ноги поджал, руками крепко обхватил Улиану за талию. На деле ведьма оказалась еще стройнее, чем казалась. Ладони легли на края собственной куртки, а ведьма, усмехнувшись, что-то пробормотала про здоровенных мужиков с огромными ручищами, которые могли бы обнимать и покрепче.

Феликс свои ручищи огромными не считал, но услышать такое оказалось приятно. Обнять покрепче, он, как ни старался, уже не мог. Было страшно, что излишне пережмет ведьму, показавшуюся ему мягким и хрупкий котеночком.

Как оказалось — до первого поворота. Улиана поднялась метра на три над задравшими головы ведьмами, развернула метлу вправо — Феликс пополз в противоположную сторону и рефлекторно сжал ведьму так, что Старшая Сестра пискнула, как тот самый котеночек, излишне приглаженный ка-

кой-нибудь кошколюбкой.

Ещё пара поворотов и Феликс окончательно убедился: мётлы — дело не мужское!

Пару раз он почти свалился вниз, а под конец экскурсионно-развлекательного полёта сосредоточился на мыслях о приземлении и старательно изучал женский затылок с ровным пробором.

— Неплохо, — оценила Зинаида, когда побледневший стажер спрыгнул с метлы.

Ведьма Улиана довольно хмыкнула и подтвердила:

— Для мужика совсем недурно.

Феликс так не считал. Впрочем, последние пару кругов он вообще ничего не считал, кроме мгновений до финиша.

— Понравилось? — спросила Зинаида.

— Нет, — честно ответил министерский стажер.

Ведьмы вокруг расхохотались. Улиана подошла сзади, ободряюще хлопнула по спине:

— Отличный полет! Из тебя выйдет толк! Только запомни, на приземлении и взлете поджимай ноги, а то переломаешь. Сегодня я тебя подстраховала, но в другой раз может повезти меньше. Ну все, дамы, два свистка, — она прислушалась и, хотя Феликс ничего не услышал, остальные ведьмы оживились, закивали. — Все на старт! — девушки попрыгали на мётлы и почти вертикально стартовали вверх. — Удачи с курсовой, Алекс! — бросила на прощанье Улиана.

Феликс помахал им на прощанье рукой, ужасно надеясь,

что следующий раз, в который он сможет применить только что полученные ценные знания по полетам на метле, будет еще не скоро, а лучше — никогда.

На предложение Зинаиды взять какую-то из мётел потренироваться, он с ужасом отказался.

Знал бы он, как скоро ему понадобится удача с курсовой…

Глава 6. Кошколюбие не порок

Глядя в сверкающие изумрудами глаза Катерины Ивановны, застывшей в гостиничных дверях с свежесворованным магнитным ключом, Феликс многократно пожалел о своём малодушном отказе. Согласись он, кто знает? Может, была бы у него сейчас метла...

Он был уверен — в критической ситуации, угрожающей его жизни, организм собрался и выдавил бы капельку магии для активации артефакта. А уж взлететь!

Он готов был поджать ноги прямо сейчас. Просто, чтобы проверить, вдруг без метлы сработает? Улетит отсюда. Хоть в ураган, хоть в эпицентр гражданской войны в жаркой африканской стране. В общем, куда-нибудь, где поспокойнее...

О, он многое отдал бы, чтобы взлететь хотя бы на метр над землей — чтобы коготки разъяренной Катерины точно не достали.

Кошка сделала еще один осторожный шаг назад, пересекла порог и полностью переместилась с улицы в гостиничный холл. Дамочки отпихнули Феликса в сторону и сделали шаг вперед — за ней.

Катерина выдала мяв сквозь сжимающие гостиничный ключ клычки, распрямилась, как пружинка, и выстрелила на улицу — под ноги той из дам, что подступалась к ней с телефоном и страдающим сотрудником авиакомпании на про-

воде.

Дама отпрянула и столкнулась со своей подругой, той, что так и убрала в сумку швейный набор. Хозяйственная пенсионерка как стояла, с голубенькой сантиметровой лентой в руках, так и повалились на пол, по дороге зацепив третью — самую щедрую кошатницу, готовую держать бедное, но очень красивое животное, на экологически чистом фермерском мясе и молоке.

— Лови её, лови! — кричали они — почему-то больше Феликсу, чем друг другу.

Стажер выпустил дверь и сделал вид, что присоединяется к общей суматохе.

Катерина Ивановна, с одного краю уже серая, но все равно еще ярко выделяющаяся на фоне вечнозеленых калининградских газонов, уходила в кусты хитрыми петлями. Она все ещё неловко прихрамывала и спотыкалась, но даже «хроменькая» оказалась проворнее преследовательниц и коварно скрылась в фигурно выстриженных кустиках.

— Ах, молодой человек! — Феликс и стоящие поблизости туристы, ожидающие экскурсионный автобус, помогли дамам подняться. — Благодарю! Какова чертовка, да?

Благодарности Феликс принял и даже согласился помочь в поиске «коварной чертовки» — ему все равно нужно было двигаться в сторону агента, почему бы не сделать это под благовидным предлогом?

— Что за цирк? — услышал Феликс разъяренный шепот,

стоило ему дойти до ближайшего кустика.

Он постарался незаметно подойти ближе и даже нагнуться к земле, высматривая Катерину.

— Молодой человек! — раздало сразу со стороны охотниц за белой пушистой шкуркой. — Нашлась?

— Нет! — крикнул он в ответ. — Куст большой, посмотрю, может под ним спряталась! — и шепотом добавил под этот самый куст. — Катерина Ивановна, с вами все в порядке?

— В полном, — под кусом зашуршало, показалась измазанная кошачья мордочка; видно, неловкая кошечка не вписалась в поворот и проехалась по свежей земле, — что за чокнутые бабы? — спросила Катерина подозрительно. — Почему они напали? Ты что, с ними заодно?

Единожды раскрытый за сегодня агент дергалась от каждого шороха и с подозрением косила глазом, готовая при любой опасности скрыться в густой зелени.

— Тише, — Феликс приложил палец к губам, — никто на вас не напал. Просто приняли за бездомную и хотят спасти.

— Что?! — зеленые глаза позеленели пуще прежнего.

— Очень, кстати, неплохие условия предлагают. И шипите тише, нас могут услышать! Вон одна уже смотрит в нашу сторону.

— Она пялится на твою задницу!

— Зачем?

— Не знаю, — саркастично ответила Катерина, — может,

сочла тебя бездомным и хочет спасти? Забрать с собой, откормить отменной вырезкой и наконец выяснить, сколько у тебя сантиметров?

Кошачьи глазищи сверкали из-под куста новогодними лампочками, периодически яростно мигая.

— Ты чем вообще занимался? — продолжала она. — Я тебя оставилана пять минут, а ты успел трех бабок подцепить! Трех! — почему-то именно количество кружащих по гостиничному палисадничку дам вызвало у кошки особое возмущение.

О том, что изначально «подцепила» их обаятельная и пушистенькая Катерина Ивановна, Феликс решил не заикаться. Зеленое пламя в её глазах бешено горело и без дополнительных дров в виде его неосторожных уточнений.

— Уверены, что прям пялится? — попробовал Феликс увести беседу в более безопасную сторону.

— Да! — фыркнула секретный агент, — я кое-что понимаю в задах и женщинах.

— Супер, — прошептал Феликс, ощущая прилипший к спине любопытный взгляд.

Кошка даже ротик приоткрыла от удивления.

— Тебе еще и нравится? Извращенец!

— Если все смотрят на меня, как вы утверждаете, — он постарался незаметно снять с плеча переноску, — то вас не заметят. Полезайте внутрь и рвем когти, как вы выражаетесь.

Катерина развернула в стороны раскрасневшиеся ушки —

от суетной беготни кончики налились кровью, потемнели. Замерла, потянула воздух маленьким влажным носиком — тоже красным, в тон ушам.

«Лапки, наверное, тоже потемнели», — подумал Феликс, вспомнив, что с утра, пока агентша была еще чистенькой, лапки, носик и кончики ушей имели одинаковый нежно-розовый цвет.

Кошка еще раз дернула ушками, будто стряхнула невидимые капельки влаги. Что она услышала, Феликс не знал. Рядом всё также шумела дорога, в садике всё также перекрикивались дамы из поисково-спасательного отряда.

Катерина, и без того чумазая, легла животиком на землю, всматриваясь в глубину куста.

Феликс демонстративно расстегнул молнию на переноске. Кошка будто вспомнила о нем.

—Ты тут, — прошептала она, — как рок звезда на сцене. Ещё и с переноской наперевес. Давай лучше так. Ты отвлекаешь этих полоумных, я даю дёру. Встречаемся вон за тем углом.

Феликс всмотрелся в указанный угол — до него было метров двести по открытой площадке, переполненной туристами, прохожими и детьми.

— Нет, — категорически отверг он предложение, — вдруг с вами что-то случится. Вы же такая...

— Какая? — кошка резко обернулась и угрожающе прижала ушки к голове, из пасти показались самые кончики бе-

лых клычков.

— Маленькая, — вздохнул стажер, — и миленькая. Вас обязательно будут спасать. Не они, — он едва заметно кивнул в сторону, — так другие. Вы себя-то видели со стороны?

— Не очень, — буркнула Катерина, — что, все так плохо?

— Не знаю, каким вы были человеком, но кошка из вас вышла очень красивая, — совершенно честно признался Феликс; Катерина приподняла голову, на пыльной кошачьей мордочке четко читалось удивление. Феликс подумал и добавил: — Просто изумительная.

Он не ожидал, что комплимент подействует, но сработало.

Секретный агент недовольно посетовала на «человечью недалекость», но, в конечном итоге, снизошла до «идиотского плана», основанного на её же предположение в маскулинной мужской обаятельности феликсовых филейных частей тела.

— Меня видно, — прошептала она уже из переноски, — тут стенки внутри черные, а я — нет. И ключ возьми, он под барбарисовым кусом.

Феликс заглянул внутрь — Катерина забилась в самый конец тесной сумки и, хотя её белая шерстка была довольно серьезно подпорчена в ходе криминально-убегательных мероприятий, местами кошечка умудрилась остаться беленькой.

— Сейчас я вас прикрою, — ответил он, поискал глазами ключ.

Он почти сразу увидел краешек пластиковой карточки,

вытащил и спрятал в кармане.

— Вы чего это, — раздался голос над самым ухом, — нашли мою девочку?

Дама, та самая, у которой потенциально можно было разжиться отменной вырезкой, выглядела обеспокоенной.

— Нет, — ответил Феликс, — можете подержать?

Он сунул ей в руки свою куртку, снял футболку, надетую поверх тонкой летней майки. После чего скомкал и, казалось бы небрежно, а на самом деле — со всеми предосторожностями, засунул снятую футболку в пеструю кошачью переноску.

— Жарковато, — пояснил он и протянул руку.

— А..? — зачарованно уточнила дама, кажется, не понимая, его вопроса.

— Куртку верните.

— Д-да, конечно, — дама засуетилась, смутилась, спешно пихнула куртку ему в руки. — Так вы не видели мою кошечку, молодой… эхм… юноша?

— Вашу? — она кивнула. — Вашу не видел. Кстати, автобус уже третий раз сигналит, — обратил он внимание на поредевшую толпу на крыльце и туристический автобус, которого тут еще десяток минут назад не было, — без вас ведь уедут!

— Т-точно! Девочки, на экскурсию!

Девочки быстро организовались и направились выбирать себе «местечко у окошка, если еще остались».

Судя по обрывкам фраз, долетевшим до Феликса, «белая бедняжка» была признана местной аборигенкой, знающей тут все ходы и выходы, и встреча с ней была для этой тройки вопросом исключительно времени, внимания и наличия в сумочке приманки в виде кружка ароматной колбаски.

Феликс помахал дамам рукой и спешно удалился за ближайший угол, в мрачный и практически лишенный асфальта калининградский двор с детской площадкой по центру.

Место для игр и развлечения деткам было оборудовано по последней моде, но лет пятьдесят назад. Основательные металлические трубы, лесенки без перекладин и остаткам качелей некогда были покрыты буро-зеленой краской, которая давно облезла, уступив место ржавчине.

Целевая аудитория развлекательного объекта предпочитала детскую зону в торговом центре через дорогу — площадка с единственной уцелевшей лавочкой была пуста.

— Катерина Ивановна, — Феликс осторожно поставил сумку с секретным агентом на подгнивающую по краям деревянную лавочку. Судя по отсутствию на сиденье двух досок из пяти, жить ей оставалось недолго, но она отчаянно сопротивлялась времени — гнила только вокруг расшатанных гвоздей, местами сохранила краску. Конечно же, буро-зеленую.

— Катерина Ивановна, — позвал он ещё и открыл переноску.

Ответа не было.

«Задохнулась? — запаниковал стажер, — или...?!»

Спешно вытащил скомканную футболку, откинул в сторону. Кошечка сидела в переноске ровно в той позе, в какой он её видел в последний раз. Только глазки были плотно зажмурены и передние лапки прижаты к розовому носику. Казалось, она не дышит.

— Катерина! — вскрикнул Феликс и сунул внутрь руку.

Чтобы тут же получить по руке маленькими остренькими когтями. Катерина была жива.

— Эй! — на выдернутом наружу запястье набухали красные полосы, но Феликс не обратил на них внимание, — Вы как?

— Я, — послышался из переноски сдавленный хрип, — умираю!

Феликс подавил в себе желание побыстрее вытряхнуть агенту из переноски и осторожно заглянул внутрь. Кошечка сидела в той же позе. Она открыла глаза, но немного — виднелись только узенькие зеленые щелочки, на краешках которых влажно поблескивали слезинки.

— Что случилось?

Феликса беспокоило, что он сам не заметил, как прижал маленькое хрупкое тельце, пока нес кошку. Такая крошечная — такой легко можно переломать кости или чего хуже!

— Я, — прохрипела Катерина, — чуть не задохнулась вонью от этой тряпки, болван!

Кошка фыркнула в сторону валяющейся на лавочке фут-

болке.

— Но она едва пахнет, — Феликс развернул её, понюхал рукава и даже подмышки, — и ничего не вонь, нормальная туалетная вода.

— Оно и видно, — кошка высунулась наружу, осмотрелась и неспешно выбралась на лавочку, — что туалетная. Слезу вышибает как летом в деревенском сортире.

Катерина открыла рот, вывалив набок чешуйчатый розовый язычок, посидела так с минуту, ловя «ничем не омрачаемый кислород». После чего скомандовала:

— Пойдем уже, и так задержались.

— Куда? — под неодобрительные взгляды напарницы Феликс надел «вонючую тряпку». В куртке на практически голое тело даже в таком мягком климате оказалось прохладно.

— В гостиницу, конечно, — подозрительно ласково ответила Катерина, — будем оттачивать твои воровские навыки!

— Почему мои?

— Мои уже на высоте, а тебе, — кошка недовольно покосилась на его ворот, — еще тренироваться и тренироваться.

К удивлению Феликса, никто не обратил внимания ни на него, ни на грязно-серую, покрытую кое-где клоками сваляшуюся шерсти кошку. Более того, Катерина стала неприметнее — грязь распределилась по шкурке равномерно, местами она вовсе сливалась со стенами, тротуаром и пыльной придорожной оградой.

Впрочем, перед крыльцом Катерина все же согласилась

снова спрятаться в сумку: «ради конспирации», чтобы исключить «встречи с новыми поклонницами твоих филейных частей», на которых «жалко тратить время».

Они без проблем проникли в людный гостиничный холл, преодолели ресепшн, спокойно поднялись по лестнице на нужный им третий этаж.

В коридоре никого не оказалось. Только в самом конце, далеко-далеко, стояла у открытой двери тележка горничной. Её самой видно не было.

— Живо! — заворчала из переноски кошка.

Феликс прибавил шагу и почти влетел в нужный номер, мазнув по замку с таким трудом уворованной карточкой.

Комната оказалась небольшой и довольно скромной обставленной: двуспальная кровать, пара тумбочек, письменный стол.

— Бери чемодан, — продолжала Катерина и вдруг сбилась, — вон тот, красный.

Небольшого чемоданчик, обтянутый крокодиловой кожей насыщенного вишневого цвета, стоял тут же, у входа. Второй, парный ему, но чёрный, лежал в углу, распакованный.

— Подожди-ка, выпусти меня! — Катерина взволнованной закрутилась в переноске, та заходила ходуном.

— Зачем? — не понял Феликс. Он уже подхватил нужный багаж и собрался покинуть помещение.

— На прогулку пойду, — ехидно ответила агент, — найду себе песочницу побольше и буду копать ямку!

— Сейчас? — к такому откровению Феликс готов не был.

Он выпустил чемодан из рук и тот с приглушенным «бах» упал на гостиничный ковролин.

— Нет, завтра! Открывай уже, — шипела кошечка, — и заканчивай дерзить старшим!

Феликс будто очнулся, открыл переноску. Кошка вылетела наружу, но побежала не в сторону уборной, а к письменному столу у окна.

— А вы сильно старше? — уточнил он, наблюдая, как она запрыгивает на стул.

Кошка проигнорировала вопрос, только дернула кончиком пыльного хвоста.

— Сюда иди, — она склонилась над столом, опираясь о самый краешек своими крошечными лапками.

Феликс подошел. На столе лежали какие-то бумаги, коробочки, письменные принадлежности.

— Ничего не трогай, — предупредила она, — сфотографируй каждый предмет и все бумажки.

Стоило Феликсу сунуть руку в карман, как нетеряшка сама скользнула в ладонь с уже активированной камерой.

Феликс сделала пару кадров.

Сверху, видно, Атлан читал эту бумагу последней, было приглашение на похороны Джаспера Шабы.

Уголок был чуть смят, будто Атлан долго и с сожалением держал его в руках. Судя по дате, указанной в приглашении, похороны должны были состояться послезавтра.

Ниже лежал журнал «Практическое маг. растениеводство», номер от 17 июля прошлого года. Феликс этот журнал знал — перебирал подшивку, пока готовил вторую главу курсовой. Журнал издавался кафедрой Маг. Растениеводства и был наполнен поздравлениями с защитой диссертаций, перечислениями новых селекционных видов винограда и рапса, полезных для магической промышленности и научными публикациями о пользе компостных куч.

Номер был открыт на нетипичной для журнала статье — интервью с охотником на морской янтарь. Судя по заголовку — он выловил что-то недалеко от поселка Янтарный в Калининградской области.

«О, это же здесь, недалеко, — подумал Феликс, делая кадры, — хотя все равно — странная тема, ничего о растениях».

Кто именно и что выловил — было непонятно, эта часть интервью была скрыта уже упомянутым приглашением. Сдвигать его в сторону Феликс не решился.

— Это, — кошка указала носиком на снежно белый листок, торчащий из-под журнала, — крупным планом.

Собственно, торчал не листок, а только его самая нижняя часть.

Феликс опознал министерскую бумагу, нагнулся над столом, чтобы взять кадр крупнее, заметил самый краешек Министерской печати — нарвал в кольце огня и надписью по кругу «Министерство Магии российской Империи». Такую просто так не ставят — это официальный документ!

Стажер наклонился еще ниже и увидел полузакрытую журналом последнюю строчку:

«...ост хранителя Артефактории № 8.»

Ниже стояла изящная подпись с множеством хитрых петелек и линий, разлетающихся в стороны, как ленты в руках олимпийской чемпионки по художественной гимнастике.

«Интересно, кто подписал? — подумал Феликс. — И почему нет фамилии?»

В Министерстве строго следили за правилами оформления документов. Под подписью обязательно печатали фамилию, имя и отчество. Но эта бумага была оформлена с ошибкой — автором документа значился некто «Константин Романович».

То есть, либо некий РоманОвич не проставил отчество в документ, либо некий РомАнович не указал фамилию. Оба случая казались для консервативного в плане документооборота Министерства немыслимыми, даже немного скандальными.

— Ну? — кошка задрала мордочку, всматриваясь в напряженное лицо замершего Феликса.

— Готово, — он сделал еще пару фото, на всякий случай, — теперь рвем ко…

Щёлк!

Договорить он не успел. Дверная ручка дернулась, дверь открылась. Феликс дернулся, Катерина замерла.

В номер вошла горничная с ведром, пачкой тряпочек и

какими-то другими, очень нужными для уборки вещицами.

Сделав шаг на гостиничный ковролин, она застыла в дверях и уже собралась извиниться за вторжение и вернуться в коридор, как заметила мерцающие нездоровой зеленью глаза Катерины Ивановны.

— И-иизвините, — начала она ровно так, как собиралась, но продолжила уже с учетом обнаруженных пушистых обстоятельств, — у нас с кошками проживать нельзя! — и добавила. — Категорически!

Катерина и Феликс переглянулись.

— А она здесь не проживает, — Феликс говорил правду, — она со мной зашла. Вы её не знаете? Сегодня на крыльце слышал, что она местная, гостиничная. Увязалась за мной, я не стал прогонять.

Катерина удивленно посмотрела на стажера. Горничная смутилась.

— Извините, — уже совсем другим тоном ответила она, — наверное, и правда местная. Давайте я её заберу. Ух, какая красавица, — голос женщины потеплел, — её бы отмыть, да вычесать, да накормить!

В животике Катерины Ивановны заурчало, но она и в этот раз не соблазнилась обещаниями. Распушив хвост, украшенный комками подсохшей грязи, но не утративший былого шика, она гораздо ловчее, чем получасом ранее, шмыгнула под ноги надвигающейся на нее женщины. Сказывался опыт.

— Ой, — только и успела вскрикнуть та, а кошечки уже

и след простыл.

— Убежала, — вздохнул Феликс, — знаете, я тоже пойду. Не буду вам мешать убираться, — он посмотрел на край стола, украшенный грязными отпечатками кошачьих лапок, — протрите, пожалуйста, стол особенно тщательно, — попросил он.

После чего подхватил вишневый чемоданчик и покинул номер, в котором тут же началось нещадное уничтожение свидетельств пребывания свежеиспеченного воровского дуэта.

Феликс спешил догнать Катерину и чуть не врезался в стоящую (что ожидаемо!) в коридоре тележку с батареей бутылочек и баночек, парой дополнительных ведерок и другими важными предметами, указывающими, что в номере орудует не обычная уборщица, а настоящий профессионал.

«Очень надеюсь, она там все хорошо отмоет», — подумал он и быстро, но уже спокойно, стараясь не бежать, направился к выходу — в конец пустого коридора. Катерины видно не было, наверняка ждёт его рядом с старенькими, но еще крепкими кожаными диванчиками и пушистыми пальмами, проклюнувшимися из финиковых косточек, судя по размерам, еще в те времена, когда Феликс готовился к поступлению в первый класс.

— Катерина, — тихонько позвал он, выйдя в небольшой холл, — Ива...

— Тс! — раздалось из-за дивана. — Тащи сюда чемодан!

— приказала она. — Быстро!

Феликс, не раздумывая, закатил чемоданчик за ближайший диван. Всего диванчиков было три и все они были повернуты спинками к окну. Очевидно, чтобы гости города, ожидавшие кого-то в этой скромной зоне отдыха, не портили себе настроение унылым видом на уродливый недострой на месте снесенного в советские годы прекрасного средневекового замка.

За соседним диванчиком прижалась к полу пыльная Катерина, развернувшая свои трогательные розоватые ушки куда-то вправо.

— На пол! — скомандовала она.

Феликс сложил ручку чемодана, чтобы та не торчала из-за спинки и развернулся в направлении, в котором секретный агент так активно слушала.

Там оказался выход на лестницу, по которой они и сами недавно поднимались. Упасть на пол он уже не успел — над верхней ступенькой уже показалась мечтательно улыбающаяся голова симпатичной брюнетки, волосы которой всё ещё были убраны в два пышных хвостика.

— Болван, — шепнула Катерина, закатив изумрудные глаза.

— Дарина, — выдавил из себя Феликс, — давно не виделись.

Глава 7. Практикум по воровству

Он неспешно вышел навстречу, стараясь выглядеть как человек, мгновение назад наслаждавшийся видами январского Калининграда в узком гостиничном окне.

Ведьмочка поднялась по ступенькам и показалась во всей красе. Она не успела переодеться с дороги, только переменила расписные сапожки на более подходящие красные лакированные туфельки на тончайшем остреньком каблучке.

Дарина остановилась на расстоянии вытянутой руки. Медленно осмотрела Феликса снизу вверх, от грязных кроссовок до взлохмаченных волос. Задержалась взглядом в районе груди. Улыбнулась улыбкой доброй и теплой, не предвещающей ничего плохого. Сделала мягкий шаг вперед, потом еще и ещё, пока между ними не осталось каких-то пары сантиметров.

Феликсу пришлось чуть наклонить голову, чтобы не потерять её искрящийся нежностью взгляд.

Удержать его оказалось неожиданно сложно — бежевая водолазка при ближайшем рассмотрении оказалась такой тонкой, что под ней четко угадывались очертания белья.

Ведьмочка поймала движение его глаз и хищно улыбнулась. Качнулась, перекатываясь с носочка на каблучок.

— Феликс, — выговаривали она с таким наслаждением, будто из всех тридцати трех букв кириллицы именно эти все-

гда были её любимыми.

Феликс внутренне усмехнулся. Этот вариант своего имени он с раннего детства терпеть не мог, так что чары юной соблазнительницы сработали совершенно не так, как было задумано.

Ему захотелось развернуться и уйти. Но он остался стоять, как и планировал — ровно до того момента, пока ведьмочка не покинет холл, в котором прячется одна чумазая кошечка.

— Что здесь делаешь? — томно спросила Дарина, выдыхая горячий воздух ему в шею.

Феликс прикрыл веки, наклонился чуть ниже, когда их лица готовы были соприкоснуться, задал ответный вопрос:

— А ты?

Она чуть отпрянула от неожиданности, но быстро взяла себя в руки, тронула наманикюренным пальчиком кончик его носа и, рассмеявшись, призналась:

— Я иду к Атлану!

— А зачем? — спросил Феликс, невольно морщась от прикосновения ведьмы.

— Затем, — она рассмеялась еще раз.

— Не поверишь, но его здесь нет.

— Глупости, — не поверила ведьмочка, — мы только что заселились. Он никуда не собирался!

— Видимо, он не собирался тебя предупреждать о своих перемещениях.

— Даже если так, — настроение Дарины переменилось

мгновенно, как погода на Балтике, — это ничего не меняет! — она дернулась назад, но Феликс воспользовался тем, что ведьмочка сама к нему прижалась, и подхватил её рукой за тонкую талию.

— Не меняет что? — спросил он.

— Ничего! Он мой! — и добавила шепотом. — Зря женушка оставила такой лакомый кусочек! Молодой, красивый, — она замерла, глядя в глаза Феликсу, — колдун из семьи Шаба! Еще и новый глава Артефактории!

— Откуда ты знаешь?

Феликс очень сомневался, что Атлан рассказал бы об этом Дарине. А в его номере она, похоже, еще не была.

Прижатая к груди девушка напряглась всем телом, пытаясь вырваться, но Феликс не отпускал.

— Не твое дело, — прошипела она и выплюнула презрительно, — стажер!

Еще сегодня утром Феликс может быть и мог оскорбиться на подобное, но до Катерины этой юной ведьме было как сельской ярмарке до распродажи в столичном ЦУМе.

— Уверена? — Феликс улыбнулся, чем еще больше взбесил девушку.

Она снова что-то зашипела, на что он открыто рассмеялся.

— Не вздумай ему что-то сболтнуть обо мне, — спохватилась Дарина, — а не то...

— Не то что? — весело перепросил Феликс. — Превра-

тишь меня в...

— Вылетишь из Министерства без шансов на возвращение!

— Ты же угрожала, что я итак вылечу?

— Может, я почти передумала? Может, я охмурю этого брошенного муженька и он возьмет меня, — она шептала яростно, сбиваясь и хватая воздух ртом, — возьмет меня в Артефакторию! Кому нужны эти ваши статейки в задрипанном отдельчике!

— Так что, выходит мы больше не враги? — уточнил Феликс, — Могу спокойно сдавать курсач?

Как-то не верилось.

— Попробуй, — зашипела Дарина, — но учти, вариант с редакцией остается запасным. В твоих интересах, стажер, не путаться под моими ногами! Может, тогда я оставлю тебе шанс и дальше писать писульки под руководством старой грымзы!

Феликсу стало обидно за Зинаиду. Да, временами она была строгой, даже жесткой. Но она была справедливой, честной и... по большому счету, она одна из немногих, кто работал в Министерстве не от скуки, не в поисках перспективного замужества или престижа, а ради сохранения прав и свобод магов и магических существ. Как и задумывалось изначально при создании Министерства!

Дарина, похоже, относилась к другому типу. Феликс только не мог пока понять, что её больше интересует: престиж-

ное место работы или замужество. О скуке речи не шло. Уж эта девчонка всегда найдет, как себя развлечь!

— Ты меня не видел, — шепнула она, вырываясь, — и ничего обо мне не знаешь! — её слова звучали почти отчаянно, — и может тогда я позволю тебе, стажер, сдать это идиотское растениеводство. Если ты, пустышка, вообще хоть на что-то способен!

Феликсу надоело держать вырывающуюся вертлявую змейку, в которую превратилась эта обворожительная девушка. Он ослабил хватку.

Дарина вырвалась, но, видя спокойствие на лице «пустышки», решила плюнуть еще оскорблений напоследок.

— Бездарь, — шипела она, — слабак! Выбрал самый тупой предмет! Да по нему защищаются одни только Дракулешти, — фамилия Феликсу была незнакома, но переспрашивать он не стал, а Дарина не стала пояснять, — Да они вообще не колдуны! Но я уверена, — красивое лицо ведьмочки смялось, обезображенное чистой злостью, — ты и его не сдашь, человек!

Она развернулась и яростно застучала каблучками по лестнице — вниз.

— Чего эта Шереметева к тебе прицепилась? — послышался беспокойный шепот из-за спины.

Феликс обернулся. Над диванной спинкой виднелась любопытная мордочка между пары маленьких пыльных лапок по бокам. Остальные части Катерины Ивановны, очевидно,

свешивались с противоположной стороны дивана.

— Хочет на моем место.

— Дарина?! — кошка подтянулась на лапках и вылезла на спинку полностью, повела розоватыми на просвет ушами. — С чего ты взял?

Кошка выглядела ошарашенной. По крайней мере Феликсу так показалось, хоть до этого он и не видел, чтобы кошачьи глаза одновременно округлялись и начинали сверкать зелёным с примесью желтых колких искорок.

— Она сама сказала, — стажер пожал плечами, — прилетела из Нового Аркаима, привезла приказ об отчислении. И себя на моё место.

— Бред какой-то, — кошка дернула хвостиком, — её же пристроили на кафедре Артефакторики.

— А вы что, её знаете?

Историю Дарины знали, похоже, все. Кроме Феликса, конечно. Потому как была она из древнего и знатного рода.

— Шереметева из древнего рода. Родилась на глазах сотни слуг и придворных магов, выросла, получила первую ступень, — пояснила кошка, прислушиваясь к звукам с лестницы; Феликс кивнул — первая ступень была та самая, какую он должен был получить после защиты курсовой, — не знаю, чего ей не сиделось в Штормах. Посидела бы пару лет на непыльной должности и замуж — рожать.

Все у Дарины пошло не так с самого начала: родители её были женаты с сотню лет, но бездетны. Брак давно уже не

просто трещал по швам — уже и швов-то не было, догнивали последние ниточки.

— Ходил слух, они прибегли к одному из древних запрещенных ритуалов. То ли выпустили кровь из десятка человек, то ли... а не важно! — кошка заметила, как переменился в лице стажер и опустила подробности. — Это все слухи.

Слухи слухами, а отца Дарины сняли с высокого поста и отправили жить в шикарный дворец на задворки Империи. Вместе с беременной женой.

— Родила она ровно тридцать первого декабря.

Девочку счастливый отец нарёк Дариной — то есть дарёной, подаренной ему женой к новому году.

— По мне, так подарочек вышел не самый лучший, — отметила Катерина. Феликс по этому поводу почувствовал полную солидарность.

Такого подарка лично ему и даром не надо было!

Всего влияния древнего рода и даже — Петра Петровича Шереметева, самого Министра Магии, не хватило, чтобы вернуть её родителей из опалы. Девочка провела детство совершенно оторванная от магического общества. В приморском дворце, окруженная обожающими её родителями и множеством слуг.

—Знаю с полсотни избалованных девиц, но эта, — Катерина вытянула лапку, с недовольством разглядывая комок посеревшей сбившейся шерстки, — просто... фш! — то ли выругалась на кошачьем, то ли неудачно дернула в попытке

вычесать колтун коготками.

Ощущения оказались для Катерины новыми — от неожиданности она подпрыгнула на полметра вверх, упала на спинку дивана, приземлившись, как самая настоящая кошка — на четыре лапы, ошарашено помотала головой с вытаращенными глазами и прижатыми к голове ушками.

— Вы чего? — Феликс испуганно дернулся к ней.

— Бррр! — хвост, и без того лохматенький, распушился и превратился в толстенькую грязно-белую колбаску.

Катерина развернулась и уставилась на него с ещё большим удивлением. Прижавшись всем телом к диванной спинке, замерла ненадолго, после чего хвост драматично опал, как сдувшийся воздушный шарик.

— Противно, — пожаловалась она, чуть виновато взглянув на Феликса, — когда шерсть трогаю, бррр, аж дрожь берет.

Феликс сел на диван, выдохнул. Нужно было уходить. Наверное. Но они о чем-то говорили.

«Точно, Дарина!»

— Значит, Дарина?

Кошка подняла ушки, спрыгнула на сиденье и села рядом.

— Даринка хоть и змея психанутая, но училась в Штормах на лучшем факультете. А до этого брала частные уроки. Её учила Луиза Скальва — дороже учителя в Европе не найти.

— Она платила своей тетке за учебу?

Кошка то ли фыркнула, то ли чихнула.

— Родители платили. Бесплатно Луиза учит только сильных ведьм. А эта вышла слабачкой, даром что из Шереметьевых.

Пристроенная в знаменитый Университет Штормов, что в столице Империи, Дарина после диплома была пристроена в тихое и престижное местечко, где почти не нужно было колдовать — секретарем на кафедру Артефакторики.

— Вообще, понимаю её. Я бы тоже сбежала, — кошка зевнула.

— Почему?

— Скучно. Сидишь, бумажки перекладываешь. Для слабой ведьмы, конечно, мечтец, — откомментировала кошка, — карьеру такая слабая ведьма не сделает, как ни старайся. А вот замуж выйти — легко. Кандидаты в мужья сами приходят с зачетками и ведомостями — только выбирай и глазки строй.

Увы, Дарину, похоже, перспектива выгодного замужества за молодого и перспективного студента не вдохновила.

— А жаль.

— И правда, — рассеяно ответил Феликс, — теперь вот бродит тут, прижимается ко всем подряд.

— Да уж, — согласилась кошка, — а ты ей понравился!

Феликс посмотрел на кошку, но понять, шутит она или издевается, не смог.

— С чего вы взяли? — осторожно спросил он.

— А ты не видел, как она с тобой заигрывала?

— А вы откуда видели, вы же за диваном сидели.

— А я с краешку, — ехидно ответила секретный агент, — тихонечко. Хотя она тебя так пожирала глазами, я думаю, спляши я тут хоровод вокруг пальмы, она б не заметила.

— Да ну вас, — Феликс понял, что она уже точно издевается.

— Как прижималась, — продолжала Катерина, — как ручку положила тебе на грудь, ах, ох! — она театрально прижала лапку к пушистой манишке на шее. — А как сверкала глазами!

Феликс не удержался и засмеялся в голос.

— Да бросьте! — стоило ему успокоиться, как кошка снова прижала лапку к груди и вывела его из строя еще на пару минут. — Прекратите, Катерина Ивановна! Она и к Атлану прижималась!

— Ну сказал тоже, — вздернула носик Катерина, — к нему она меркантильно прижималась, а к тебе — искренне. Вот с тебя, — рассуждала кошка, — чего взять? Гол как сокол, почти безработный сочинитель некрологов. К таким избалованные девочки прижимаются только от души и большой симпатии. — Феликс перестал улыбаться и Катерина Ивановна с видом весьма назидательным добила. — Думаешь, ты её держал? Думаешь, она бы не вырвалась, если бы хотела? Да, в ней силы с морковный хвост, но раздавить тебя в масленичный блинчик хватит.

Феликс почувствовал, как на лице свело мышцы. Он сде-

лал глубокий вздох, но понял, что не может. Раз-два. Все же смог, схватил воздух губами, стараясь набрать побольше.

— Какая же вы, Катерина Ивановна...

— Кто?

— Кошка!

— Не зли меня, стажёр, — прошипела секретный агент.

Феликс поднял руки, всем своим видом показывая, что он сдается и вообще, готов «к сотрудничеству с властями».

— Пойдем?

— Рано, — коротко ответила кошка, — она еще внизу.

— А мы её боимся?

— Мы её подозреваем.

Феликс сел поудобнее, развернувшись к Катерине.

— В чем же мы её подозреваем? В уводе чужого мужа? — уточнил он. — Хотелось бы знать, госпожа секретный агент Министерства Магии.

Кошка повела ушками с едва заметными под тонкой шерсткой розовыми прожилками сосудиков. «Розовые, — отметил Феликс признак кошачьего спокойствия, — не красные».

— Знаешь, чем от нее пахло?

— Духами? — предположил Феликс, кошка ответила уже знакомым уничижительным взглядом и он тут же исправился. — Простите, туалетной водой? Очень-очень туалетной водой? Какой-то другой дрянью?

Катерина надулась и отвернула мордочку в противопо-

ложную сторону.

— Помадой, — буркнула она, помолчав.

— Чем? — не понял Феликс.

Катерина развернулась, ловко скользнула к нему — Феликс рефлекторно дернулся назад; не успел — длинные белые усы защекотали по щеке. Кошечка заглянула ему поочередно в правый, потом — в левый глаз. Удовлетворенная осмотром продолжила:

— Её. Руки. — она тщательно проговаривала каждое слово; так, будто объясняла что-то совсем маленькому ребенку. — Пахли. Моей. Помадой.

Феликс отчаянно соображал. Выходило, что Дарина... Кошка будто услышала его мысли, кивнула.

— Она вонялa весь полет, стажер. Сейчас замыла и запах подтерся, но я чувствовала его даже из-за дивана.

— Значит, Дарина копалась в мусорке в Домодедово, — высказал свои мысли Феликс, — видела вашу одежду и сумочку. Но почему она не сказала Атлану?

— Это и подозрительно, — ответила она, — Даринка не стала бы копаться в помойке.

— Она и в деканате университета сидеть не стала, — пожал плечами Феликс, — может, это все для отвода глаз и она хочет к вам в секретные агенты: копаться в помойках и спасать мир?

— Зачем? — удивилась кошка.

— Ну как, престижная работа, наверное, — смутился Фе-

ликс и рассказал о толстой стопке других резюме, оставшихся на столе в Московском Министерстве. — К нам в редакцию толпами валят. Все хотят на мое место. У вас такого разве не бывает?

На мордочке кошки проступило совершенно искреннее недоумение и Феликс пояснил:

— Толпы желающих попасть в отдел. С рекомендациями и просьбами от родни до седьмого колена.

Кошка закатила чуть поблекшие изумрудные глаза и презрительно чихнула.

— В оперативный? Шутишь? Какая мамаша свою кровиночку под молнии сунет. Да ты хоть на меня посмотри?!

Кошка нервно дернула хвостиком.

— А что не так с вами? Очень милая кошечка.

— Вот именно! — усмехнулась кошечка. — Кошечка! Ты думаешь, это нормально?

— Не знаю. Разве нет?

— О старые боги! Нет, стажер. — засверкала она глазами. — Это не нормально. Это совсем не нормально! Это, по современным меркам, вообще невозможно! Более того, — она почти шипела, — я понятия не имею, чем это может для меня обернуться! И для тебя, кстати, тоже!

— Стоп, стоп, — Феликс прикрылся от наступающей на него кошки руками, подозревая, в общем, насколько это бесполезно, — подождите, я правда не знал! Я же не колдун, для меня все волшебное кажется ненормальным, я уже при-

вык к любой фигне и по умолчанию любое безумие считаю нормальным.

— Фигне?! — Катеринин хвост распушился в метелку, — то есть то, что меня дважды пытались сегодня убить — фигня?!

— Когда? — ошарашено спросил Феликс.

Катерина успокоилась, взяла себя в лапки. Хвостик опал и лег на диванную подушку.

— По дороге в аэропорт и в зоне досмотра, — сказала она уже совсем спокойно, — а потом... меня замаскировали.

Феликс вспомнил, с какой поспешностью агент скрылась от любительниц домашних животных — решила, что её снова нашли!

«Со стороны они и правда выглядели агрессивно», — подумал он и спросил вслух:

— Думаете, это Дарина... вас раскрыла? И вас снова пытаются убить?

— Поверь, я бы заметила! — ответила кошка и повела ушками. — Тётки, похоже, и правда случайно набросились. Но вот Даринка... Она что-то знает. Не пойму только, что ей нужно? — задумчиво пробормотала Катерина и встрепенулась, что-то почуяв. — О, она уходит из холла! Готовься!

Феликс подтянул поближе красненький чемодан. Посмотрел на Катерину. Она уставилась на него.

— Что опять не так?

— Стажер, мы не потащим чемодан с собой, — вздохнула

кошечка, — он слишком приметный. Открывай и перекладывай вещи к себе.

Феликс согласился — чемоданчик был яркий, дорогой, вероятно — сделанный на заказ. Если Дарина внезапно вернется — сразу его узнает его. Атлан — тем более! А везения у Феликса с Катериной хватит на встречу с обоими по очереди и даже одновременно.

Кошка назвала код для маленького замочка сбоку, чемоданчик открылся с первого раза. Катерина Ивановна пробормотала что-то про везение и вероятность подцепить чесоточное проклятие при взломе.

— Что-что? — не расслышал Феликс.

— Ничего, — поспешно ответила она, — все отлично. Вот эти бумажки забирай, — она ткнула лапкой в бумажный конверт, — и эту косметичку. Да не ту! В той — косметика, она мне не нужна. Теперь. Вон ту, желтенькую бери, в ней мой жетон агента.

— А мне им руки не оторвет? — на именные артефакты обыкновенно ставилась защита, и действовать она могла не только на магов.

— Конечно же... нет! Это абсолютно безопасно!

Звучало неубедительно.

— Уверены?

— Конечно, — кошка подождала, пока он достанет сумочку с жетоном, и добавила, — он же в косметичке!

В вишневом женском чемоданчике оказалось удивитель-

но мало одежды и личных вещей, так нужных в поездке любой девушке.

Зато коробочек с потертыми боками, таинственно побрякивающих тканевых сверточков, хитро свернутых бумажных листочков и свитков — в избытке.

Феликс плотно набил свой, к счастью, полупустой рюкзак. В него как раз влезли «вещи первой необходимости»: документы, артефакты, сомнительного вида мешочки с вышитыми рунами и прочее магическое «оборудование для работы».

— Больше не лезет, — констатировал он и демонстративно тряхнул рюкзак.

— Рмяя! — кошка отпрыгнула в сторону. — Ты так больше никогда не делай! — посоветовала она, испуганно округлив глазки. Шерстка на её загривке распушилась кособокой львиной гривой.

— Хорошо. — ответил Феликс и поставил рюкзак на пол с осторожностью, будто это была миллиметрового стекла колба с горящим бензином. — Остальное берем?

В чемодане оставалась еще треть всякого магического барахла.

— Берем, — Катерина обернулась в поисках идей, — клади в переноску. Чтобы через сетку не просвечивало... футболкой прикрой своей, — Феликс кивнул, а Катерина мстительно добавила, — все равно переноска уже безбожно провоняла этим твоим... туалетным ароматом!

Жетон, убранный в крошечную сумочку, больше похожую

на средних размеров кошелечек, чем на косметичку, Феликс предусмотрительно сунул в куртку, в тот же кармашек, где уже лежала коробочка, подобранная за унитазом в Домодедово.

Кошка это его действие сопроводила неодобрительным взглядом. Феликс не обратил внимания — одобрительных он в её исполнении еще не видел.

— Одежду брать? — спросил он, когда в чемоданчике остались сиротливо лежать два черных платья — одно бархатное, другое — шелковое, пара крошечных черных туфелек на красной подошве и кружевной чулок, почему-то в единственном экземпляре.

Было еще что-то из белья, но Феликс воспользовался полученным с утра опытом маскировки — спихнул смущавшие глаз комбинации из ниточек и кружавчиков на дно и набросал сверху одежду более приличного вида.

— Давай, — быстро согласилась кошка, — возьмем пару моих трусов. Наденем тебе на голову, — она мечтательно закатила глазки, — будешь, наконец-то, внешне соответствовать уровню интеллекта!

— А просто сказать «нет» нельзя? — Феликс захлопнул чемодан, засунул внутрь попытавшихся сбежать скользкий шелковый чулок, застегнул молнию.

— Так не интересно! — ответила Катерина, приподнявшись и довольно распушив хвост. — Ну, идем?

— А чемодан? — Феликс приподнял его и не сразу по-

нял, что не так. Рюкзак с переноской, наполненные катерининым «необходимым», заметно оттягивали ему плечо, при этом вес чемоданчика не изменился — ощущалось, будто он до сих пор забит под завязку. — «Отлично, пока не откроют, не заметят, что что-то из вещей пропало».

— Брось здесь!

— Подождите-ка, — Феликсу пришла идея получше.

Тележка горничной уехала в самый конец этажа, сама горничная тихонько напевала и шуршала в одном из дальних номеров.

— Я быстро, — он кивнул, скидывая на диван рюкзак.

— А если меня украдут? Вместе с вещами? — глаза у кошечки округлились.

— Я постараюсь спасти… бедных похитителей! — заверил её Феликс и скрылся, едва сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

Он беспрепятственно проник в прибранный номер Атлана, отметил мельком, что разбросанные на столе бумаги теперь сложены в аккуратную стопочку, а сам стол тщательно протерт. Феликс поставил вишневый чемоданчик в углу, рядом с черным. Поправил и выровнял, так, чтобы казалось, будто горничная чуть сдвинула их в сторону перед тем, как пропылесосить.

— Мне не нравится, когда ты уходишь, — заявила Катерина, когда Феликс вернулся.

Заявила и хлестнула хвостиком по лапкам в подтвержде-

ние своих слов.

— Ну я же вернулся. — Феликс подхватил сумки. — Идем?

Кошка не ответила, переминаясь на беленьких лапках и озираясь. Оказалось, пока он ходил, Катерина снова учуяла Дарину.

— Они с Атланом внизу. Заметят.

— Давайте я вас в куртке пронесу? — предложил Феликс. — Что? Не бросать же вас в окно?

Секретный агент с надеждой посмотрела в окно — на кучерявую тучку, накрывшую солнышко. Проверять, всегда ли кошки приземляются на лапы, ей не хотелось. Идти на своих четырех мимо двух магов, через холл, полный скучающих детей и, возможно, новых любительниц животных, — не хотелось вдвойне.

— Ладно, — нехотя согласилась она, — только руками не лапать!

Она подошла ближе, недоверчиво заглядывая ему в глаза. Феликс наклонился и протянул руки. Катерина совсем по-кошачьи обнюхала каждый из предложенных пальцев, звонко чихнула. Он осторожно дотронулся до её спинки. Шерстка, покрывшаяся пылью, показалась жестковатой на ощупь.

— Я сказала, — взрыкнула Катерина, — руки!

— Все-все! — Феликс подхватил кошечку, стараясь покончить с этим опасным делом поскорее.

Катерина Ивановна, подхваченная под неожиданно мяг-

кий и шелковистый животик, быстро обмякла тряпочкой. Только оказавшись в куртке, завозилась, устраиваясь поудобнее. Феликс застегнул молнию, кошка еще немного поерзала, высунула любопытную мордочку в ворот, осмотрелась и заявила:

— Фу!

— Что опять? — Феликс замер, занеся ногу над первой лестничной ступенькой.

— Ты когда куртку распахнул, — скорбно пожаловалась Катерина, — будто двери в Рэ Туаль открылись.

— Сочувствую, — ответил Феликс, прибавляя шагу и стараясь держать подбородок повыше, чтобы секретный агент не увидела на его лице легкую, совершенно, как он надеялся, незаметную улыбку.

Глава 8. Дикая кобылка для фальшивого агента

В гостиничном холле они никого не встретили. То есть, вообще никого!

Толпившиеся по делу и без дела туристы разъехались на экскурсии, заселяющихся заселили, а Дарина с Атланом вообще испарились в неизвестном направлении.

— Пахнет ими, — Катерина высунула мордочку, когда они были уже на середине просторного холла, — её духи тут... фу, хуже твоей туалетки. Эй, ты куда?

Она замолкла — Феликс подошел к ресепшену и положил на стойку ключ от номера Атлана.

— Может, вы видите печать Министерства? Может, они где-то рядом? — уточнил Феликс, когда они уже вышли на улицу, — «надо бы наушники надеть, а то выгляжу как по ошибке выписанный из дурки пациент».

Вопрос кошка проигнорировала и вообще, молчала, пока они не вышли на улицу.

Катерина не стала дожидаться торжественного спуска на землю. Самостоятельно, и довольно изящно, выпрыгнула из куртки.

— Нет, — ответила она, продышавшись, — я... — хвостик её дрогнул, — вижу размытые фигуры, даже цвета... другие,

нечеловеческие. Ни печатей, ни аур. Стажер, я чувствую запахи и слышу как... кошка, видимо.

— Так вы что, и правда кошка?!

— А ты только заметил?! — Катерина Ивановна презрительно вздернула розовый носик, — шуруй за мной, балбесина. Только держись подальше! И помни — я выгляжу как кошка, но я — не животное!

— Да-да, я помню, вы — самый неудачливый в мире секретный агент, — вздохнул Феликс.

— Почему это? — кошка остановилась.

— Сами говорили, — усмехнулся Феликс, — вам же достался в напарники я!

Кошка фыркнула и направилась в неизвестное Феликсу направлением. Он — за ней.

Катерина попросила отстать на пару шагов.

— Чтобы думали, что я вас выгуливаю?

— Чтобы я не видела твою туповатую физиономию, стажер. Больно смотреть.

Феликс не без удовольствия выполнил просьбу. Идти в тишине было приятно.

Жаль, до Министерского гаража оказалось совсем недалеко. Минут двадцать пешком и компания, состоящая из «кошки, бредущей по своим делам» и бредущего за ней Феликса, нагруженного сумками, оказалась у земляного холма, укрытого зеленым одеялом не по-зимнему сочной травы.

Вид местной растительности вызывал недоумение только

у привыкшего к снежному январю Феликса. Редкие прохожие не обращали на пышную калининградскую зелень никакого внимания. Катерина Ивановна — тоже.

Сверху, на холме, росли большие старые деревья. Лысые, но с пышными метелками свежих листочков в опустевших кронах.

Феликс такое уже видел по дороге: прямо к ветке, черным силуэтом прорезающей белесое небо, будто приклеили... то ли декоративный шар, то ли аккуратно собранный букетик! Без цветочков, с одними только зелеными стеблями и мелкими листьями.

Будто деревья в этом городе посходили с ума и понавыпускали молодой поросли в начале января.

У гостиницы таких деревьев было немного.

Здесь, на холме, таких деревьев было... да все! Некоторые так плотно облеплены этими зелеными шарами, что казалось, будто они и не сбрасывали листву.

Хотя на земле «правильных» желтых листьев валялось изрядно: ими была покрыта тропинка, ведущая на вершину холма, земля под деревьями и даже столбики, на которых стояла одинокая парковая лавочка.

Сверху на холме был парк, под парком — гараж.

Его выкопали прямо в земле. Для удобства пришлось срыть часть склона — образовалась широкая площадка, на которой стоял Феликс с нервно подергивающей хвостиком Катериной.

Феликс рассматривал деревья. Она — стесанный край холма, закрытый кирпичной стеной. Старинная кладка кое-где разбивалась аккуратными окошками, кое-где — массивными железными дверьми, крашеными грязно-коричневой масляной краской, местами изрядно облупившейся и открывающей солнцу, ветру и взглядам прохожих своё чуть тронутое ржавчиной естество.

Дверей в кирпичной стене было несколько.

Площадка перед гаражом радовала новеньким, будто вчера уложенным асфальтом, еще черным, немного маслянистым. Только от одной двери тянулись к выезду на городскую дорогу узорчатые полосы от новеньких покрышек.

— Спрятать вас в куртке? — предложил Феликс, откладывая момент уточнения двери. Сам он совершенно не понимал, какую выбрать. По опыту ему было известно — без приглашения, сопровождения или счастливого стечения обстоятельств в Министерские помещения попасть не получится.

Приглашения у него не было, сопровождение само, похоже, подрастеряло магическую силу, а обстоятельства не спешили вынуть из ящика с чудесами элегантного решения.

— Я достаточно провоняла, — брезгливо отказалась Катерина Ивановна, — вряд ли кого-то в этом гараже ты смутишь ручной кошкой. Главное, не говори со мной и все будет нормально. Ну, долго еще будешь стоять? Доставай жетон, прикладывай и пойдем выбирать машину.

Феликс достал из кармана Катеринину косметичку. Же-

тон агента оказался меньше всего похож на жетон. Скорее книжечка-удостоверение. На кожаной обложке был выдавлен министерский гербовый нарвал в кольце огня. Красиво, но без подписи — непонятно. Внутри удостоверение было оклеено желтоватой бумагой, шелковистой на ощупь. Ни фотографии, ни надписей, ни печатей. Все как обычно.

— А ничего, что это ваш... жетон? — уточнил Феликс у кошки.

— Есть другие варианты?

Вариантов не было. Стажеру измененное магией авто не дадут. Специальному секретному агенту с допуском какого-то там высшего уровня — легко.

— Они же не идиоты, чтобы выдать машину на чужое имя?

— Зато ты, — специальный секретный агент снова начала выходить из себя, — идиот полнейший. Прикладывай давай жетон к двери и заканчивай пререкаться со старшими!

Феликс приложил корочку к двери. Подождал. Ничего не произошло.

— А теперь, — прошептала Катерина, — открой и приложи в развернутом виде. И переверни, держишь вверх ногами!

Феликс присмотрелся — и правда, рог нарвала печально смотрел вниз.

«И как я не заметил?» — перевернул, открыл, приложил как нужно.

Дверь щелкнула и приоткрылась на пару пальцев. Изнутри потянуло сухим теплым воздухом.

Внутри было темно, но это ничего не значило. Он сделал шаг внутрь. Вслед за ним перепрыгнула металлический гаражный порожек Катерина Ивановна.

— Свет! — Феликс активировал стандартное бытовое заклинание — одно из немногих, какими мог пользоваться.

Заклинание называли «выключатель». «Выключатели» висели во всех рабочих кабинетах и даже в общежитии Министерства, в котором поселили стажера.

Оно реагировало на голос и не требовало волшебных сил — то, что нужно безнадежному в магическом плане Феликсу. Тем более, что обычных кнопочных выключателей в комплект к заклинаниям колдуны на стены не вешали. Феликс вообще сомневался, что их лампочки питаются от электричества...

Свет в гараже зажегся мгновенно. Очень даже холодный и электрический. Такое освещение больше подошло бы офису, а не подземному гаражу. Но кто этих магов разберет.

Изнутри Министерский гараж выглядел как... гараж!

Феликс стоял в небольшом помещении без окон и с единственной дверью — у него за спиной. Стены выкрашены грязно-коричневой краской. В уголке сиротливо висел огнетушитель, на полу виднелся прямоугольник люка, ведущего, по старой русской традиции, в подвальчик с соленьями на случай зимы, дефолта и третьей мировой. В остальном же

гараж оказался совершенно пуст.

Феликс посмотрел на кошку. Та присела у его ног, элегантно обвив себя хвостиком.

«Подождем», — подумал было Феликс, но тут снизу, со стороны люка, постучали.

Раздался скрип, скрежет, легкое царапание и, наконец, крышка открылась.

Из неё высунулась чернявая мужская голова с блестящими набриолиненными волосами и тонкими, тщательно уложенными усиками.

— Мсье! Добро пожаловать в Кенигсберг! — губы мага растянулись в радостной улыбке. — Что же вы стоите, спускайтесь же ко мне! Я приготовил для вас тройку лучших Министерских карет!

Голова живо всунулась обратно в люк, падающую крышку которого Феликс едва успел подхватить — неизвестно еще, сможет он её сам открыть, если захлопнется?

Шаткая приставная лесенка, ведущая из ничем не примечательной «прихожей» в главное помещение Министерского гаража, упиралась нижним своим концом в пушистый восточный ковер.

На нем же ждал Феликса улыбающийся сотрудник гаража, представившийся Арманом.

Говорил он быстро и некоторые, особенно важные слова, произносил особенно и обстоятельно — по слогам.

— Механик, артефактор, ваш по-кор-ный слуга, — он по-

клонился он и пожал руку фальшивого агента.

Ни тебе закапаной маслом спецовки, ни запаха бензина, ни рабочих мозолистых ладоней — одетый в безупречный деловой костюм и обутый в лаковые, без единой пылинки, туфли, Арман меньше всего был похож на механика. О чем Феликс, конечно же, говорить не стал. Надеялся только, что удивленно вытянувшееся лицо не выдало магу истинных стажерских мыслей.

Взмахом руки Арман зажег весь верхний свет и тут уже Феликс не смог сдержать удивленного возгласа.

Они стояли в самом начале широкой залы, которая уходила вдаль и, несмотря на обильное освещение, терялась в тусклом сумраке. По обеим её сторонам, у стен, стояли разномастные кареты: золотые и черные, украшенные золотом и резьбой, простые и лаконичные — разные!

Арман истолковал его возглас по-своему:

— Да, да, да! У нас об-шир-ней-ша-я в Европе коллекция колёсных экипажей! — он указал в, казалось, бесконечный проход. — В столице ничего подобного нет! Да, да, да!

Феликс кивнул. Ничего подобного в столичном Министерстве он и правда не видел.

Арман повел его вдоль «колесных экипажей», с энтузиазмом щебеча ему что-то о внушающей скорости, непревзойденной маневренности и надежности, проверенной веками.

Судя по внешнему виду некоторых экспонатов, речь шла не иначе как о веках Средневековья. Шли они недолго.

— Эта — просто блеск! — воскликнул элегантнейший из всех виденных стажером механиков.

— Вы уверены? — неуверенно уточнил Феликс, разглядывая деревянную конструкцию.

Та больше всего напоминала фанерный ящик на колёсах.

Из каретных признаков на боках ящика было по небольшому окошку, забранному бархатными шторками с пышной бахромой.

— Она безупречна! — заверил его сияющий Арман и постучал по тонкой стенке в подтверждение своих слов. Раздался совершенно обыкновенный для пустого ящика звук.

Феликс посмотрел на Катерину Ивановну. Она подлезла под днище, потерлась пушистой головой о колесо, подошла к дверце, висящей на чуть ржавой мебельной петле, придирчиво её осмотрела и тронула лапкой.

— Какая славная кошечка, — похвалил механик, — у неё есть вкус!

Славная кошечка повторно потрогала дверцу и выдала мрачное «Мяу».

— Да, она подходит нам... — «стоп, кому это — нам?!» — и тут же исправился, — намного больше, чем другие!

Арман предложил посидеть внутри. Феликс с сожалением согласился.

Внутри ящик представлял еще более безрадостное зрелище: клоки когда-то яркой обивочной ткани на стенках, запах пыли, дырявая засаленная подушка, из которой торчат кло-

чья соломы.

Стажер пару раз ударился головой о низкий потолок и осторожно присел на голый пол. Катерина Ивановна прошлась по полу с хозяйским видом и спокойно прилегла на страшненькую подушку.

— Ну как? — шторка на окошке отодвинулась, внутрь заглянул обладатель безупречной укладки. — Восторг?!

— Полнейший, — согласился Феликс, стараясь скрыть подступающий ужас.

Арман совсем расцвел.

— Да, да, да! Полностью с вами согласен! А ещё, — продолжил он нахваливать пыльный ящик, — держит заряд до полугода, полсотни видов колес, разгоняется до... Да, да, да! Я сейчас все оформлю и пре-под-робнейше расскажу об этой красавице! Обожаю иметь дело с профессионалами! — сияющее лицо министерского артефактора наконец исчезло из окошечка, бархатная шторка вернулась на место и печально обвисла.

Послышались удаляющиеся шаги.

Феликс вопросительно посмотрел на Катерину.

— И что мне делать с этой... красавицей?

Кошка зевнула и скосила глазом наверх, в поеденный древесными жучками потолок. Встала с пыльной подушечки, потянулась. Склонила ушастую голову.

Феликс только вздохнул — «Обещал же ей не разговаривать в гараже!».

Она увидела, что он её понял. Подошла ближе, оперлась передними лапками на грудь сидящего стажера. Туда, где во внутреннем кармашке лежали артефакты.

Феликс достал удостоверение Министерского агента. Кошка кивнула, постучала пушистой лапкой по полу.

— Ну, допустим... — пробормотал он и положил кожаную книжечку на пол.

Пространство взорвалось миллиардом светящихся пылинок. Они закрутились в спираль, подбросили Феликса в воздух, перевернули, уронили вниз, на мягкое сиденье. Руки упали на обитый красной кожей руль со вставшей на дыбы пышногривой лошадью в центре.

— Это что, Феррари?!

Унылое настроение Феликса переменилось по волшебству в прямом смысле этого слова. Он осмотрелся, потрогал кнопочки на приборной панели, рассмотрел спидометр, ограничивающий скорость дикими 250 километрами, повернул фирменный ключ, торчащий из зажигания.

Мощный мотор приятно заурчал и взрыкнул, к нему тут же присоединилась Катерина Ивановна. Но она взрыкнула чуть сдавленно, недовольно. Превращение застало её посреди салона, кошечку бросило между сидений. Она не ушиблась, но добрее не стала.

— Катерина, — заявил Феликс, поглаживая руль, — я вас люблю!

Она фыркнула и залезла на соседнее кресло.

Феликс осторожно тронулся, вывернул с «парковочного» места, проехался по подземному коридору. Последний раз он водил на третьем курсе, когда сдавал на права. Тогда он тренировался на чуть поржавевшем и убитом студентами автошколы стареньком форде. Учебная машина едва заводилась и скрипела так, будто развалится ещё на парковке.

Красная красавица, в которую превратился пыльный ящик на колесах, готова была рвануть вперед, как дикая молодая кобылка. Феликс очень надеялся, что ему хватит сил удержать её. Резвая машинка так и норовила вильнуть в сторону — игриво толкнуть в бочок или даже разнести в щепу обширнейшую в Европе коллекцию колёсных экипажей, опрометчиво выставленную Арманом вдоль узкого прохода.

— Шарман! — заулыбался механик, когда Феликс доехал до выстланной восточным ковром площадки.

Лесенка, ведущая к люку, пропала. На её месте появился небольшой столик, утопленный тонкими резными ножками в густой ворс. За столиком сидел механик и что-то быстро писал на фирменных министерских бланках невидимыми Феликсу чернилами.

Пришлось заехать прямо на ковёр. Сначала не хотел, но Арман уверил его, что антиквариат не пострадает. Более того, «только на ковре вы отсюда и улетите».

Шутка была милая. Видимо, под ним находилась подъемная площадка, или с ковра нужно будет въехать в портал, или... да кто этих колдунов разберет!

Нужно заехать на ковёр? Сделано!

Феликс аккуратно хлопнул дверью, вышел из красной красавицы. Она обиженно замолчала. Ей хотелось лететь по гладкому зеркалу дороги, а водитель вздумал заняться ерундой!

— Вот тут, — на стол перед Феликсом легла стопочка чистых листов, — и здесь, и вот в этом договоре. Ну да вы сами видите.

Арман достал ручку для подписей — перо с выдвигающейся иглой. Феликс прижал палец, подождал, пока в желобов стечет достаточно. Прикинул, сколько понадобится крови. Стопочек на подпись было четыре. Каждая толщиной в пару сантиметров. Выходило, если подписывать на каждой странице, нужен примерно стакан. Но не отказываться же?

Он подписал первую страницу, перевернул. Арман улыбался.

— Как быстро вы все подготовили... — пробормотал Феликс. В Московском отделении любой чиновник эту гору документов готовил бы часа три. А этот будто был готов к его приезду.

— О, Алекс! За час до вас приезжал уважаемый Шаба, он сказал все приготовить на случай, если вы заглянете. И вы, — он лучезарно улыбнулся, — заглянули!

— Шаба? — Феликс перевернул лист и заметил, что кровь закончилась — придется подождать. — Которого убили?

Арман сделал испуганное лицо.

— О нет! Конечно нет! У меня был мсье Атлан Шаба, нынешний главный Шаба. Он сказал, вы будете писать некролог для его дядюшки. Просил подобрать вам что-то особенное, — довольно улыбнулся механик, — и я подобрал! Вижу, нравится!

Феликса пробормотал, что «карета хороша» и сосредоточено расквитался с первой стопочкой листов.

Атлан еще раз похвалил его выбор и отметил, что выбранный внешний вид машины Феликсу очень подходит.

— Да?

— Конечно! Такие изгибы, дерзость, как это сейчас можно говорить... рок-н-ролл! По карете всегда видно характер владельца, — заявил Арман, — вот вы, Алекс, сразу видно, творческий человек с взрывным характером.

— Думаете? — уточнил Феликс. Говорить, что рок-н-ролл был на пике моды в студенческие годы его отца, стажер не стал.

— Конечно! В вас видно бунтаря! Да вы даже документы подписываете с небрежностью на уровне скандала! — воскликнул Арман, раскрывая перед Феликсом только что подписанную им договор, уже прихваченную с краю обычной канцелярской скрепкой. — Я очарован!

Феликс сжал ручку так, что выдвижная иголка чуть не проткнула палец насквозь. Желобок быстро заполнился кровью, но стажер этого не заметил. На белых министерских бланках проступали буквы договора на аренду рабочего

средства передвижения типа «карета маг. модифицированная».

Его подпись стояла прямо поверх надписи «ДОГОВОР» сверху страницы. Помимо этого, она была вверх ногами!

— Ну, — постарался Феликс придать своему голосу уверенности, — буквы же проступили. Значит, договор вступил в силу?

— Вот об этом я и говорю! — восхитился Арман. — Вы совершенно без-ба-шен-ный человек! В наше время такого в Министерстве не встретишь!

Феликс кивнул и продолжил подписывать оставшиеся страницы в той же бунтарской манере. Внутренне он содрогался от мысли, какой ад проверок ему придется пережить, если его откровенное пренебрежение к бюрократическому этикету раскроется.

«Хорошо, что он не принял меня за идиота», — подумал Феликс.

За спиной послышался кашляющий мяв. Катерина Ивановна восторга мага по отношению к Феликсу явно не разделяла.

— Арман, так что по поводу Шабы? Не Атлана, а старшего?

— А что Шаба? — улыбнулся механик. — Почтенный глава Артефактории. Утром первого января шел себе с корпоратива через парк. Поскользнулся, ударился, — он печально вздохнул, а Феликс замер с окровавленным пером в руке, —

и вот у нас уже новый глава! Достойный, дос-той-ней-ший маг! Я слышал, вы будете составлять некролог для покойного. И на похороны, наверное, пойдете?

— Не... — пробормотал Феликс и, мельком глянув на перекошенную Катеринину мордочку в окошке машины, вовремя сориентировался продолжил совсем не так, как собирался, — непременно. Непременно буду на похоронах. Куда же деваться...

Арман оказался тоже приглашен на похороны. Атлан заехал за машиной и лично передал механику элегантную карточку с персональным приглашением.

Впрочем, такое внимание оказалось естественным. Министерский гараж, как и Артефактория, находились в подчинении единого департамента.

Выходило, что Атлан — новый начальник Армана. Это в некоторой степени объяснило и невероятное дружелюбие, и скорость, с которой работник гаража оформлял бумаги. Вероятно, и то, и другое Феликсу обеспечило высокое начальство, пожелавшее создать комфортные условия писателю некрологов. Арман даже предложил Феликсу показать, где находится фамильная усыпальница Шаб.

— Для вдохновения!

Кошечка за спиной взмуркнула, напоминая, что лишние свидетели и попутчики им ни к чему. Феликс вежливо отказался.

— Ну что вы, я сам найду. — выражение лица механи-

ка сменилось с радостного на чуть удивленное; не готовый и дальше сопротивляться энергичному магу, Феликс спешно добавил. — Да я там... уже был. Несколько раз. Ничего сложного!

— Сразу видно — журналист! — восхитился механик, мечтательно замолчав, но лишь на мгновение. — Признаюсь, не будь я механиком, я тоже был бы журналистом. Как думаете, у меня бы вышло?

— Мммм, — популярность выбранной профессии в последнее время вызывала у Феликса вопросы, — только не говорите, что хотите занять мое место.

— Нет, что вы! — отверг крамольную мысль Арман. — Но вы бы взяли меня в помощники?

— Безусловно, — согласился Феликс, подписывая последний листок; и добавил максимально серьезным тоном, — жду ваше резюме и диплом журфака, нам нужны активные сотрудники. — и уже про себя. — «Составит Дарине достойную конкуренцию».

Потенциальный Даринин конкурент расхохотался, пожал Феликсу руку и проводил до машины. Феликс слабо улыбался и старался делать вид, что потеря такого количества крови для него — обычное дело. Голова кружилась, ноги будто потяжелели вдвое. Он упал на водительское сиденье и с облегчением прикрыл глаза.

— Шарман, — бросил механик на прощание, — сейчас я вас подниму.

Резной столик вместе со стульями испарились. Арман еще пару раз попрощался, пожелал благополучия, откланялся и отошел в тень.

Взмах руки мага и бетонный потолок, видимый в непривычно широком лобовом окне, растворился в сумрачном гаражном воздухе. Феликсу открылся вид на «верхний» гараж — со всеми его облупленными стенами, железной дверью и «вторым» потолком.

Мгновение и ковер плавно поехал вверх. Вместе с красной Феррари, обалдевшим от магических технологий Феликсом и Катериной Ивановной, свернувшейся на пассажирском сиденье в клубочек на манер меховой зимней шапки.

Подрыгивая пышными кистями по углам, лифт на магической тяге поднялся на «второй» этаж, подождал, пока перекрытие между этажами не вынырнет из магического небытия и плавно опустился на пол.

Феликс выглянул из машины. Наверху было все также пустынно, тихо и мрачно. Определенный уют придавал восточный узор ковра, очень сочетающегося по цвету с огнетушителем в углу.

— Едем? — тихонько спросил Феликс у Катерины.

Кошка, несмотря на то, что люк в подвал оказался намертво закупорен стоящей поверх машиной, вести беседу отказалась.

Катерина выскользнула наружу, осмотрела зализанную по бокам красную машинку, тяжко вздохнула и прыгнула на ка-

пот, прямо напротив Феликса.

Он вопросительно приподнял брови.

Она склонила пушистую голову и топнула лапкой. Меньше всего это было похоже на инструкцию по выезду. Скорее походило на жест, после которого «карета» превратилась в авто.

Феликс легонько стукнул агентским жетоном по рулю. Знакомо мелькнули яркие пылинки, распадаясь и снова собираясь по спирали. Руки упали на массивный черный руль с эмблемой мерседеса по центру. Напротив, за стеклом, как не в чем ни бывало, сидела маленькая беленькая кошечка. Она повела ушками и снова топнула.

Они сменили с десяток машин, прежде чем Катерина довольно фыркнула, дернула хвостиком и спрыгнула на ковер, оттуда — на пассажирское сиденье во всё еще приоткрытую дверь.

— М-мя, — отчетливо произнесла она.

— Не уверен, что прям «м-мя», — ответил Феликс, с сожалением оценивая выбор госпожи агентши.

Руки лежали на потертом пластиковом руле старенького форда. С водительского кресла было видно чуть ржавый по краю капот, облупившуюся краску и даже небольшую вмятинку сбоку. Очень знакомую вмятинку.

Ровно на такой развалюхе Феликс учился водить в университетской автошколе!

— Сим-сим, откройся, — крикнул он воротам первую

всплывшую в голове команду. Свет включался голосом. Дверь изнутри вполне себе могла активироваться по той же схеме: защиту маги обыкновенно ставили на вход. Выход мог быть и голосовой, и банально — механический. То есть, подходишь, отщелкиваешь замок, пинаешь дверь. Все как у людей.

Ворота поскрипели, пошуршали и открылись сами собой.

— О старые боги! — простонала Катерина, стоило их гремящей колымаге выехать на площадку перед поросшим зеленой травкой валом. — Я мечтала сгореть от стыда! Но мне и в этом не повезло! «Нам нужны активные сотрудники, — прогнусавила она, передразнивая Феликса, — Я там уже был!» Да будет тебе известно, Шабы живут по шестьсот лет и в склеп кого попало не пускают! Даже Атлан там еще не был! У меня шерсть дыбом встала, когда ты это ляпнул! Фантастический бред!

Феликс осторожно выехал на городскую дорогу, посмотрел направо, налево — никого.

— Ну он же меня не раскрыл?

— Потому что этот механик — еще больший болван! Ну как можно было поверить, что Шаба... Шаба, сильнейший маг в Европе, мог поскользнуться до смерти! Убиться в парке! В собственном городе! Меня пугает, что где-то есть минимум один такой же оболтус... который эту идиотскую легенду придумал! — тут Феликс скромно промолчал, были у него на этот счет кой-какие соображения. — А ты... ты... О,

за что мне этот гений!? — простонала Катерина, препотешнейше откидываясь на сиденье и складывая лапки на пушистом животике.

— В подарок за хорошее поведение? — предположил Феликс, притормаживая напротив старинных кирпичных ворот, украшенных свердневекового вида скульптурами — рыцари, гербы... — Новый год все-таки.

В Москве ему не пригодились навыки водителя — своей машины не было, арендованная... была бесполезной статьей расходов на фоне фирменных столичных пробок и шаговой доступности сначала университета, а после — работы.

Недостаток практики вождения сказывался — на пустой дороге Феликс с трудом удержал руль. Катерина Ивановна продолжала вздыхать и жаловаться на свою нелегкую судьбу; её стенания он слушал рассеяно, отчаянно стараясь не въехать в ближайший Калининградский столб. О том, чтобы на ходу достать нетеряшку и проложить маршрут, не было и речи.

Пока Феликс притормаживал и открывал навигатор, кошка продолжала недовольно шипеть на тему «даром не надо нам таких подарков».

— Катерина Ивановна, — он отложил телефон, — а если бы на моем месте сейчас сидела Дарина, было бы легче?

— О, нет! — замаскированная агент наглядно показала, как именно у нее встает дыбом шерсть.

— Но я же болван? — хотя Феликс и слушал её вполуха,

но основные тезисы уловил.

— Да! — согласилась кошка, сверкая зелеными глазищами. — Болван. Удивительно везучий. Пока. Но... предпочитаю работать с честным болваном чем с...

— С кем?

— С женщиной и интриганкой!

— Да вы — шовинистка, — улыбнулся Феликс, цепляя телефон с картой к дешевому пластиковому держателю.

— Болван, — беззлобно отбилась Катерина.

— Шовинистка, — напомнил стажер.

— Мне нужно в Зеленоградск, — фыркнула она, глядя, как Феликс пролистывает маршрут. — Посмотреть, где прихлопнули Шабу. Пока меня ищут… там, где нас нет.

— Понятно, — Феликс, увлеченный хитросплетением Калининградских улочек, пропустил момент важного признания: до того Катерина не говорила, что опасное и секретное дело, которое свело их вместе, связано с загадочно и скоропостижно почившим Шабой.

— Там на выезде, — сказала Катерина, — надо налево на перекрестке, и по трассе до самого моря. Через полчаса будем на месте.

Ей не терпелось осмотреть место преступления до наступления темноты. Планы Феликса в её планы не входили.

— Какая курсовая? — возмутилась она. — Закончим с делом и езжай, куда захочешь!

— А если за неделю не закончим?

— Поедешь черед пару недель, — заявила кошка.

Феликс кисло усмехнулся и убрал руки от телефона. Под мерное покачивание на разбитой дороге кошка задремала, вытянула лапки, хвостик свесился сбоку и покачивался из стороны в сторону в такт музыке дорожных ям.

По дороге Феликс стянул куртку и накрыл уставшую госпожу агентшу. Она быстро свернулась колечком и уютно уткнулась в воротник.

На выезде из города он притормозил, сверился с маршрутом. Посмотрел на торчащую из-под куртки лапку с нежно-розовыми подушечками. Лапка дернулась во сне и втянулась внутрь.

Феликс усмехнулся, завел старенький форд и на указанном Катериной перекрестке вывернул руль вправо.

— До места прибытия два часа пятнадцать минут, — прошелестел навигатор, — место назначения — «Красный лес».

Глава 9. Ведьма и её метла

— Своей смертью не помрешь, — задумчиво проговорила Катерина, проснувшись через те самые два часа пятнадцать минут.

Феликс ожидал скандала, криков, вздыбленной шерсти и хвоста трубой, но кошечка только тяжко вздохнула, выпрыгнула в приоткрытое окошко и быстро затерялась кустах.

Он остался один на один с мыслями об очевидном факте своей скорой насильственной смерти и размышлениями об устройстве магических заградительных сооружений. Еще раз посмотрел на крепко сросшиеся кусты, покрытые густым ковром дикого винограда. Потом на экран нетеряшки.

Навигатор на экране магического смартфона показывал, что Феликсу нужно ехать прямо по дороге. Но дорога вильнула в лес. И не просто в лес, а оборвалась у его края, подныряла под корни густо разросшегося терновника, плотно увитого диким виноградом. Сразу за ним шумели голыми зимними ветвями небольшие, в три-четыре человеческих роста, молодые дубки с редкими желуд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.